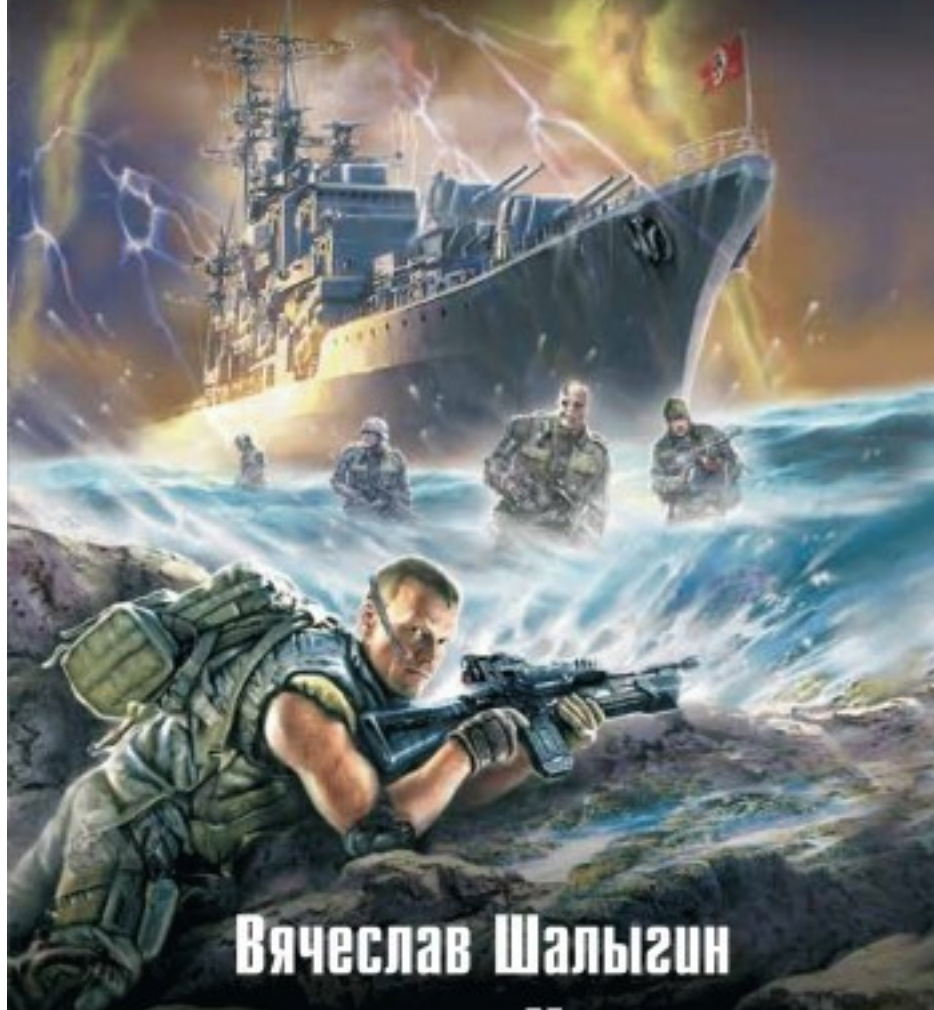

ЗОНА СМЕРТИ

Вячеслав Шалыгин

СВИНЦОВЫЙ ШКВАЛ

Зона Смерти

Вячеслав Шалыгин
Свинцовый шквал

«ЭКСМО»

2010

Шалыгин В. В.

Свинцовый шквал / В. В. Шалыгин — «Эксмо», 2010 — (Зона Смерти)

ISBN 978-5-699-42802-1

Зона Смерти не зря получила свое имя, и надежды найти в ней безопасное место тщетны, даже если кажется, что ты знаешь ее как свои пять пальцев. В этом лишний раз пришлось убедиться многоопытному сталкеру по прозвищу Леший. На сей раз рутинное путешествие в самую спокойную локацию, Сосновый Бор, обернулось для него близким знакомством с загадочными гидромехами и другими, еще более невероятными порождениями Техноса. И зловещие фигуры в военно-морской форме давно почившего Третьего Рейха были среди них далеко не самыми опасными...

ISBN 978-5-699-42802-1

© Шалыгин В. В., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Пролог	5
Глава 1	17
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вячеслав Шалыгин

Свинцовый шквал

Пролог

Тишина. Звонящая тишина. Не слышно ни гула приборов, ни шелеста лопающихся пузырьков за бортом, ни шорохов и прочих звуков, которые обычно издаются людьми. Вокруг стоит полная тишина, плотная и непроницаемая, как толстая резина. Тишину не нарушает даже стук собственного сердца.

Странно. Бог с ними, с гулом и шорохами. Приборы могут отключиться, а люди могут замереть, но как придержать сердце, за какие узды?

Да бьется ли оно вообще? Непонятно. И дышится как-то странно, вдох в минуту, а то и реже. Или вовсе не дышится? Нет, такого не может быть. Жив – значит, должен дышать. Можно не слышать ничего, даже биения сердца, но нельзя не понимать, дышишь ты или нет.

Вот сейчас грудь расправится, в легкие поступит воздух, а затем будет выдох, медленный, протяжный. Воздух просочится сквозь сухие голосовые связки и вырвется наружу вместе с негромким хрипом. Вот сейчас... сейчас...

Гром и молния, что происходит?! Дышать не хочется! Может быть, все дело в том, что вокруг не воздух, а вода? Потому и тихо, как в старинном склепе. И тело, в отличие от разума, в курсе этой неприятности, а потому не желает впускать в легкие холодную соленую воду. Может быть, все дело в этом? В инстинкте самосохранения. Но почему не чувствуется холод? Почему совершенно не ощущается гигантское давление двухсотметровой водной толщи?

И что это вообще за шутка, почему вернулось сознание? Подарок от госпожи по имени Смерть? К чему и за какие заслуги? За верность Фатерлянду в целом и фюреру в частности? Какое отношение эта верность имеет к промыслу Смерти?

Или это новый шанс, подаренный фортуной, которая выторговала у Смерти несколько загубленных жизней? Все равно непонятно, зачем фортуне затевать этот фарс? Выбраться из затонувшей подлодки с двухсотметровой глубины невозможно, даже если Госпожа Удача улыбнется во все тридцать два зуба. Что же в таком случае происходит?

Нет, ориентируясь только на слух и ощущения, этого не понять. Как бы там ни было, а придется подключить еще и зрение. Тогда все и прояснится. Наверное, прояснится. Если в лодке остался хоть какой-то источник света.

Капитан-лейтенант Гюнтер Прин медленно открыл глаза. И тут же вновь крепко зажмурился. Свет был. И еще какой! На мостике никогда не было настолько светло. Складывалось ощущение, что вдруг очутился на полуденном солнцепеке где-нибудь в испанском порту. Одно отличие – не жарко.

Офицер вновь медленно поднял веки, теперь только на миллиметр, и попытался осмотреться. В целом все выглядело привычно. Габариты мостика, общая конфигурация, проклятая теснота... но... в то же время все вокруг стало совсем другим. Вовсе не таким, как то, к чему привык капитан-лейтенант.

С одной стороны, все оставалось на положенных местах, от перископа до самой распоследней мелочи, но одновременно все выглядело как-то не так. Приборы, предметы, трапы, многочисленные вентили, трубопроводы и переборки казались такими, как помнил Прин, и в то же время другими.

Может быть, это такой фокус восприятия? Проморгаться, и пройдет?

Гюнтер сел, честно поморгал, тряхнул головой на манер боевого коня или своего талисмана – бешеного быка и вновь окинул взглядом обстановку. Телодвижения не помогли. Все вокруг по-прежнему выглядело привычно и в то же время ненатурально. Словно... имитация.

Капитан-лейтенант дотянулся до ближайшего вентиля и ощупал его негнушимися пальцами. Вентиль как вентиль, прохладный, медный.

Прин кое-как поднялся на ноги, постоял с минуту, анализируя ощущения, и сделал шаг. Поначалу ноги слушались плохо. Не гнулись ни в коленях, ни в голеностопе. Но вскоре оцепенение прошло, и Гюнтер установил полный контроль над телом.

Офицер для верности ощупал себя, особенно тщательно – затылок и шею. Именно к моменту, когда что-то хрустнуло в шее, относилось последнее воспоминание аса подводника Гюнтера Прина. Сначала был взрыв глубинной бомбы, затем палуба резко ушла из-под ног, и командир гибнущей подлодки «U-47» завалился куда-то назад. Завалился, услышал зловещий хруст шейных позвонков и... мгновенно отключился. Скорее всего, умер. Или нет?

Нет! Все не умер! Ведь вот – жив, здоров, и шея цела!

Прин растерянно оглянулся.

«А где экипаж? И почему лодка в таком состоянии, будто бы ее только-только ввели в строй?»

Да что там «ввели в строй»! Даже когда Гюнтер принимал командование этой лодкой, она не была в таком отличном состоянии. А уж после трех лет славных походов и тяжелых сражений... особенно после того, рокового, с британским эсминцем... она изменилась до неузнаваемости. И вдруг она вновь стала прежней, будто бы новехонькой. Что это за чудеса? Как все-таки в этом разобраться?

Капитан-лейтенант не слишком уверенно прикоснулся к рукояткам перископа, а затем вдруг резко отбросил все сомнения и прильнул к окуляру.

Лодка находилась в надводном положении. За бортом царилась ночь. Прин развернул перископ влево и увидел на расстоянии в пять кабельтовых от лодки силуэт большого корабля.

Сначала Гюнтер ощутил легкий приступ паники. Неужели проклятый британский эсминец так и не отвязался?! Но спустя ровно треть секунды офицер успокоился. Корабль не вражеский. Свой. Судя по очертаниям, легкий крейсер типа «Лейпциг». А чуть дальше и правее угадывались контуры судна сопровождения, миноносца серии «Т», скорее всего, из первых семнадцати, типа «Вольф». Хотя, возможно, это «Эльбинг». В общем, не важно, свои – и хорошо. Каким ветром их сюда занесло? Тоже не имеет значения. Да и к чему гадать, когда можно связаться по радиации и спросить.

Гюнтер вновь оглянулся и негромко выругался. В радиопосту он никого не увидел. Куда все-таки пропал экипаж? Прин автоматически сложил рукоятки, толкнул перископ вверх и отправился к главному трапу.

На полпути офицер изменил маршрут и свернул к себе, в единственную одноместную каюту на лодке. С одной стороны, ему не терпелось выбраться на свежий воздух, с другой – он всегда считался разумным и практичным человеком. Март месяц не располагал к прогулкам в одном свитере. Даже в штить в этих широтах и в это время обычно было, мягко говоря, прохладно.

А заодно Гюнтер хотел убедиться, что странная «чужеродность» окружающего его интерьера это явление кажущееся, временное. То есть сродни легкому расстройству психики, а значит, постепенно пройдет.

В каюте капитан-лейтенанта вновь ожидал сюрприз. И все еще больше запуталось.

Да, обстановка здесь оставалась той же, что и раньше. Койка под самым потолком, под ней столик и стул, правее шкаф с нишей, в которой матово поблескивал эмалированными боками чайник, а рядом стояла завернутая в полотенце кружка. Справа торчала вешалка, на которой сиротливо болталась потертая кожаная тужурка. Знаменитый шарф капитан-лейтенанта, кото-

рым Прин обматывал шею во время каждого возвращения в порт, по-прежнему выглядывал из-под подушки...

Все как и раньше. Вот только... слишком уж аккуратно все расставлено, разложено и рассовано. Даже брошенные в углу бумаги скомканы как-то чересчур красиво и одинаково. Будто бы их не скомкали, а многократно сложили в совершенно определенном порядке, а затем слегка расправили и только после этого бросили в угол.

Прин выдвинул из-под столика рундук, открыл и достал любимую фотографию. То самое фото. 1935 год, Киль, молодой обер-лейтенант Прин с девушкой по имени Эльза на набережной. Золотое было время.

Гюнтер положил фотокарточку на место и достал чистый лист бумаги. Портить такую хорошую бумагу не хотелось, но Прин пересилил себя. Он небрежно скомкал лист и бросил в угол.

Результат превзошел все ожидания капитан-лейтенанта. Не оправдал, а именно превзошел. Прин надеялся, что состряпанный им комок будет действительно комком, хаотично смятым и неряшливым в сравнении с теми, что валялись в углу. Но ничего подобного не произошло. Комок бумаги «производства» капитан-лейтенанта Гюнтера Прина получился в точности таким же, как и три других. Не скомканным, а многократно сложенным и потом слегка расправленным. Ненормальным, одним словом.

Гюнтер озадаченно хмыкнул, поправил капитанскую фуражку и снял с вешалки тужурку. А вот еще странность! Он ведь валялся на палубе, но фуражка осталась на голове. Каким образом?

Прин снял фуражку и осмотрел. Та же самая, это точно. Белая, ломаная, мятая, с поцарапанной кокардой и латунной эмблемой подлодки «U-47» на тулье слева. Эмблема-талисман «бешеный бык» с некоторых пор стала заодно и эмблемой всей Седьмой флотилии, которую старые морские волки по инерции до сих пор называли «Вегенер». А все благодаря авторитету Прина. Помог ли бешеный бык заработать этот авторитет? Кто знает? Наверное, помог. Помог ли выжить?

Гюнтер постучал, словно приветствуя, ногтем по эмблеме и снова надел фуражку.

«Вот сейчас поднимусь на боевой мостик, и станет ясно, помог или нет. Если все вокруг не иллюзия, не последняя фантазия умирающего мозга – помог. Если нет, то нет. Значит, такова судьба. Без обид».

Капитан немного подумал и прихватил шарф. При параде – значит, при параде. Пусть будет капля военно-морского шика. Удивлять, конечно, некого, моряки не девушки, но шик ценят и они. Особенно неуместный. А иначе как объяснить то, что капитаны подлодок носят только белые фуражки вне зависимости от погоды, времени года и места – на берегу или в задраенной наглухо субмарине? Только страстной любовью моряков к шику, талисманам, приметам и знакам свыше.

Прин ловко поднялся по трапу в боевую рубку, легко отдраил верхний люк и высунулся наружу.

Лицо тут же обдало волной теплого, насыщенного влагой воздуха. Гюнтер блаженно улыбнулся и глубоко вдохнул...

Вернее – попытался глубоко вдохнуть. Попытался... и не смог.

Вдоха не получилось. Именно так: вдоха не получилось. Не то чтобы он вышел не таким глубоким или не таким сладким, как надеялся Гюнтер. И от него не перехватило горло, не одолел приступ кашля. Ничего подобного.

Просто командир подлодки «U-47» капитан-лейтенант Кригсмарине Гюнтер Прин не вдохнул. Поскольку больше не умел дышать.

Такой функции не оказалось в программе компьютера, который управлял его телом.

Гюнтер на секунду замер, пытаясь сообразить, что еще за «компьютер» вдруг завладел его телом, а затем расплылся в горькой улыбке. Ну вот, все встало на свои места. Никто никого не обманул и не выкупил. И никаких новых шансов Прину никто не подарил. Ни Фортуна, ни Смерть. И какой бы адской тварью ни был этот «компьютер», он теперь управлял именно телом Гюнтера. Телом и памятью. А душа героя-подводника давно уже отправилась на небеса. Или в ад. Второе вероятнее.

«Потому и сердце не слышал. Нет у меня никакого сердца. И теперь это не фигура речи, а факт, – Гюнтер на миг задумался, словно пытаясь погрузиться в себя, так же как он привык погружаться в морские пучины на борту своей подлодки. – Кто я теперь? Эй, компьютер, отвечай!»

Кто или что ответило на вопрос, моряк не понял. Возможно, это сделал загадочный зверь-компьютер. А может быть, голос свыше. На самом деле Гюнтера это не интересовало. Но ответ он выслушал внимательно. Тем более что ответ показался ему занятым.

«Справка: Гюнтер Прин, капитан-лейтенант гитлеровских военно-морских сил – Кригсмарине, командир подводной лодки «U-47», национальный герой Германии времен начала Второй мировой войны, кавалер золотого знака подводника, золотого знака с бриллиантами и золотого кортика с алмазной свастикой. Наиболее известен рейд «U-47», в ходе которого в ночь с 13 на 14 октября 1939 года был потоплен британский линкор «Ройял Оук». В целом с сентября 1939 года по март 1941 года Прин пустил на дно 28 кораблей противника. «U-47» была потоплена в ночь с 7 на 8 марта 1941 года глубинными бомбами, сброшенными с борта британского эсминца «Вулверин». Конец справки».

«Гром и молния! – Гюнтер окончательно выбрался на боевой мостик и окинул взглядом горизонт. – Я просил сказать, кто я теперь?! И кто ты такой, компьютер. Новое оружие англичан?»

«Загрузка данных, – прозвучало в голове у Прина. – Установка приложений. Перегрузка».

«Что за бред... «перегрузка»... чей это сленг? Это что, от береговых...»

Гюнтер не успел задать второй вопрос. В глазах на миг потемнело, а затем капитан-лейтенант вдруг понял, что знает все. И о себе, и о проигранной Рейхом войне, и о мире, который так сильно изменился за прошедшие... сто шестнадцать лет!

«Русские и янки. Во всем виноваты проклятые Советы и Штаты. Какие-то недочеловеки, сброд, англосаксы и славяне не дали нам выиграть войну! Невероятно! Фюрер застрелился! А теперь мы в одной коалиции с британцами и дружим с неграми и русскими! Невероятно!»

Гюнтер осекся. «Мы?» Кто – мы? Немцы? Но при чем тут Гюнтер Прин, биомеханическое изделие модификации морбот, снабженное искусственным интеллектом класса «А+» и имеющее серийный номер 1308543869? Или коротко – «морбот 13–69».

Прин обмяк и остановил пустой взгляд на огромном корабле, контур которого темнел справа по борту. Откуда-то из глубин памяти компьютера (как выяснилось, новейшего, с гордым названием «искусственный интеллект класса А+») вновь вынырнула короткая подсказка.

«Линкор «Тирпиц», заложен в 1936 году, водоизмещение 42 900 тонн, скорость 29 узлов, 8 орудий калибра 380 мм, 12 орудий калибра 150 мм, 8 торпедных аппаратов калибра 530 мм, команда 2400 человек. Первый командир – капитан первого ранга Топп. Наиболее известные операции во Второй мировой войне: против северных конвоев RQ-12, QR-8, RQ-17 и обстрел Шпицбергена. Выведен из строя бомбардировочной авиацией Британских Королевских ВВС в ноябре 1944 года».

Ну да, «Тирпиц», который в сумерках можно спутать с «Бисмарком». Хотя... Гюнтер снова окинул взглядом огромную, длиной в полтора кабельтова, тушу линкора. Нет, теперь этого «железного зверя» не спутаешь ни с чем. Теперь это действительно железный зверь. Без

кавычек. По классификации современных людей из Зоны Смерти – гидромех. То есть огромный гидробот. Как выражаются американцы, «кинг-сайз».

«Цитата из сетевого рапорта Научной службы Барьерной армии, – снова вклинился в мыслительный процесс Гюнтера неугомный компьютер. – Согласно очередной поправке к «Классификации изделий техноса от 2054 года», крупных гидроботов следует именовать гидромехами. Точное определение приведено ниже.

Гидромех – биомеханическое изделие водного базирования, имеющее относительно крупные габариты (водоизмещение свыше 10 тонн), тяжелое ракетное, плазменное, энергетическое и лазерное вооружение (в дополнение к легкому импульсному и лазерному либо самостоятельно), а также производительность главного компьютера класса «В», то есть близкую к штатным характеристикам главных компьютеров сухопутных изделий типа «носорог» и «бронезавр» либо классов «А» и «А+». Пример: изделие 744, «Технокракен», которое управляется искусственным интеллектом класса «А+», одного уровня с ИИ изделий типа «Троян» и «Атомный Демон».

Все гидромехи способны к погружению, но изделия вторичного производства (на базе поднятых со дна кораблей и судов) большую часть времени проводят в изначально спроектированном положении (подлодки под водой, поверхностные корабли – на поверхности). Новodelы, произведенные в черноморском Городище-на-дне и в балтийском Городище Остров, универсальны. Конец цитаты».

Да заткнись ты, чертов компьютер! И без цитат все понятно. С первого взгляда ясно, что это никакой не «Тирпиц», а уродливая водоплавающая железка. И «Лейпциг», что стоит на якоре левым матлотом, теперь тоже гидромех, все прежние тактико-технические характеристики которого можно забыть мгновенно и с чистой совестью. И тот миноносец класса «Вольф» или «Эльбинг» теперь тоже не корабль, а биомеханическая тварь водного базирования. И все притаившиеся в тени больших гидромехов рейдеры, и все подлодки, и шнельботы, и...

Весь этот чертов флот, что мирно дремлет вокруг всплывшей со дна морского «U-47», теперь не флот, а стая железных тварей!

И всеми этими монстрами командуют компьютеры. Или же морботы вроде Гюнтера Прина – биомеханические создания, которые используют в качестве «опорной конструкции», проще говоря – рамы, человеческий скелет.

Что за дрянь облепляет скелет давно погибшего моряка, Гюнтер понимал с трудом, какие-то «самопрограммирующиеся нанороботы» (язык сломаешь!), и как действует искусственный интеллект, вставленный в черепушку морбота вместо мозгов, Прин тоже не особенно вникал. Зато ему стало предельно ясно другое. Тот, кто поднял со дна и вернул к механической жизни весь этот флот, обладает не только запредельным могуществом, но и недюжинной прозорливостью.

В боевой рубке каждого гидромеха он оставил как минимум одного морбота. Где-то в качестве резервной системы управления, где-то как сопроцессор класса «А» к главному компьютеру гидромеха, а где-то и в качестве капитана в полном смысле этого слова.

«Зачем? Все просто. Даже оживший мертвец все равно остается человечнее мертворожденной техники, какой бы умной она ни была. А если человечнее, значит, и сильнее. Духом, творческим потенциалом, нестандартностью мышления, интуицией, даже глупыми военноморскими суевериями».

Гюнтер понимал, что, возможно, он ошибается. Что его «человечность» точно такая же имитация, как и реконструированный интерьер подлодки. Да, скорее всего, так и есть! Восстановить с помощью нанороботов облик давно погибшего человека это одно, а вот вернуть в его новое тело старую душу – это совсем другое. Божий промысел. Куда до Создателя каким-то машинам-компьютерам?

Но пока эта версия не имела ни подтверждения, ни опровержения. Непонятно, как машинам удалось этого добиться, но морбот Гюнтер Прин мыслил практически так же, как его прототип. И только реальный бой мог показать, насколько копия отличается от оригинала. Только ситуация, в которой потребуется принимать нестандартные решения, могла дать ответ на простой вопрос: верным ли путем пошел тот, кто поднял со дна флот гидромехов и «реанимировал» его личный состав, превратив останки моряков в морботов, в биомеханических зомби? Не ошибся ли тот, кто создал Новый Кригсмарине?

Видимо, мысль оказалась верной. Как говорится, в точку. Едва в голове у Гюнтера все разложилось по полочкам, морботу тут же пришло нечто вроде подтверждения. В недрах подлодки что-то загудело, зажужжало, до слуха Прина донеслась серия коротких лязгающих звуков, затем продолжительное шипение и снова низкий басовитый гул. Складывалось впечатление, что внутри подлодки идет какое-то строительство или... Гюнтер отметил для себя еще одно новое словечко – трансформация.

Морбот окинул взглядом внешние очертания лодки. Сумерки не мешали Прину видеть крупные детали. Разве что видел он все в черно-белом варианте.

Поначалу корабль выглядел привычно. Боевая рубка, орудие на баке, леера, растяжка радиоантенны, флагшток на носу. Но спустя несколько секунд начавшаяся в недрах корабля трансформация докатилась и до внешних очертаний подлодки. Вода вокруг корабля будто бы вскипела, начала крупно пузыриться, покрылась пеной и вдруг резко схлынула, обнажая борта подлодки. Теперь борта казались огромными и совершенно не такими, как были у «U-47», не крутыми, а округлыми. Форма корпуса корабля отныне напоминала форму тела гигантской косатки. Округлые бока, чуть горбатая спина, длинный хвост, приплюснутый череп... в смысле, нос корабля.

Гюнтер хмуро взглянул на нос. Нет, все-таки теперь череп. Вернее, голова и морда стального чудовища. Только не металлической косатки, как показалось Прину вначале, а скорее кальмара. Ведь ко всему прочему морду железного зверя украшала сотня длинных, метров тридцати, гофрированных щупальцев, каждое толщиной с глубинную бомбу. У Прина не осталось ни малейших сомнений, он стоит на мостике того самого «изделия 744», или Великого Технокракена, как называли люди главную ударную силу морской группировки техноса Зоны Смерти.

«Период адаптации закончен, – подумалось Гюнтеру. – Моему новому кораблю больше не нужно щадить мои нервы и прикидываться древней подлодкой. Прощай, старушка «U-47». Теперь уже навсегда. Жаль, что тебя потревожили только для того, чтобы оживить меня, а после пустили на металлолом и запчасти для других гидромехов. Жаль. Но такова логика войны. Новые сражения выигрывают только новые машины. Могу утешить тебя обещанием, что буду командовать этим кораблем не хуже, чем тобой. Прощай».

Стальной водоплавающий монстр поднялся над поверхностью воды значительно выше, чем торчала боевая рубка «U-47», и с новой высоты Гюнтер сумел рассмотреть гораздо больше, чем видел до сих пор.

Флот гидромехов казался огромным. Под стать флагману. Вокруг на якоре стояли десятки фантастически мощных и устрашающих кораблей. Поистине Императорский Кригсмарине. Флот, которым командует Император гидроботов Великий Технокракен, или, если использовать привычные Гюнтеру термины, *Unterwasserboot* (подлодка) «U-744».

«В рубке которой находится морбот Гюнтер Прин, – мысленно добавил капитан-лейтенант. – Хотелось бы узнать, для каких целей я здесь? Чтобы командовать не только новым кораблем, но и флотом? Вряд ли. Скорее для того, чтобы помочь «U-744», когда Великому Технокракену будет нужен совет человека. Да, человек из меня теперь условный, но биомехи дважды обожглись на молоке, когда недооценили людей – во время Большой зачистки, а затем

во время недавней Технореволюции – и теперь дуют даже на ледяную воду. Наверное, дело в этом. Да не «наверное», а точно. Других причин быть просто не может...»

...Император гидроботов зафиксировал «мысли» изделия «морбот 13–69» и поместил их в отдельный файл собственной памяти. Все шло по плану. Гюнтер Прин мыслил именно так, как и прогнозировал Узел. Капитан-лейтенант рассуждал, делал выводы и... заблуждался. В точном соответствии предварительным расчетам.

Узел поселил морбота Прина в рубке Великого Технокракена не для подстраховки, он сделал это с другой целью. Но пока Гюнтеру об этой цели знать не полагалось. Всему свое время. Особенно когда речь идет о стратегических планах.

У машин ведь все продумано на сто ходов вперед и рассчитано по миллисекундам. В том числе и моменты, когда следует ввести изделие в бой, когда дать ему дополнительную информацию, а когда следует избавиться от него, как от балласта. Всему свое время.

* * *

– Нормально? Прическа нормально? Крупно возьми. Что? Грязь? Где грязь? Сейчас вытру. Так лучше? Хорошо. Поехали. Итак, дорогие друзья, с вами, как всегда, Первое всемирное мультимедийное агентство и я, Иван Копейкин! Я веду свой репортаж из Зоны Смерти, практически из центра одной из опаснейших локаций загадочного пятиземелья...

В кадре появилась физиономия лопухого юнца, который старался держаться преувеличенно бодро, а говорить складно и по существу. Останься это чудо природы за кадром или хотя бы выразишься он соответственно возрасту, предвкушение тоски могло и обойти зрителя стороной. Но репортер уже совершил все возможные ошибки, и дальше удержать зрителя у экрана могло только одно – громкое название места, откуда велся репортаж. Видимо, получив на компьютерный имплант порцию сетевой статистики и осознав, что в чем-то ошибся, репортер предпринял отчаянную попытку реабилитироваться, достучаться до сердец жестоких зрителей и затараторил, как пулемет.

– Я нахожусь на смотровой площадке чудом уцелевшей вышки метеостанции в поселке Лебяжье. В серой дождливой перспективе за моей спиной вы видите мрачные воды Финского залива. Обратите внимание на оттенок воды. Темный, видите? Раньше здесь находилась так называемая Лондонская отмель – странное название, не правда ли? – а теперь глубина достигает двухсот метров. Катастрофа пятьдесят первого года изменила не только очертания береговой линии, но и морское дно. Но вернемся на сушу, вон там... камера влево... если проследите, куда уводит насыпь бывшей железной дороги, вы сможете рассмотреть очертания знаменитой Ленинградской АЭС, единственного уцелевшего в этой локации объекта. Да, друзья, все остальное лежит в руинах. А ведь эта неприветливая, мертвая территория когда-то была окрестностями небольшого уютного городка Сосновый Бор. Сейчас мы дадим круговой обзор... камера! Вася, не спать! Простите, друзья, летающие камеры не везде работают, приходится снимать по старинке... Кошкин, что ты возишься?

– Сейчас... тесно тут, подвинься.

– Панораму дай, а потом крупный план АЭС... Ты снимаешь?

– Сейчас, сказал же...

– Камера работает?

– Пауза...

– Шевели задницей!

– Да зависни ты... не ерзай, вышка и так на ладан дышит. Руки бы вырвать тем, кто ее строил! Не хватало еще навернуться! Все, порядок, снимаю... ох ты, блин... она не на паузе была...

– Все ушло в эфир?

– Ну... типа того...

– Баран ты, Кошкин... Простите, дорогие друзья, теперь вы видите сами, что такое Зона. Это вечный нудный дождь, это все оттенки ржавчины и зеленоватые пятна окислов, это грязь, сажа и пепел, это руины и колючая металлическая растительность. Это холмы, овраги и снова грязь, грязь, грязь. Согласитесь, мрачная, мертвая, удручающая картина. А вон там... Камера! Вон там, видите, движение? Да, да, вы не ошиблись, это приближаются механические монстры. Те самые биомехи, уродливые порождения мифического Узла, которые захватили все пять локаций Зоны Смерти, и теперь строят на оккупированных территориях свой загадочный мир техноса... Что-то слишком быстро бегут. А вон те вообще летят... – репортер явно заволновался. – Кошкин, пауза! Давай вниз!

– Сейчас, только крупный план возьму!

До репортеров донесся грохот взрывов. И не просто донесся и унесся в никуда, а продолжил доноситься, и громкость его раскатов стремительно нарастала. Копейкин дернулся влево и попал в кадр. Оттопыренные уши юноши полыхали закатным огнем. Особенно это выделялось на фоне общей бледности лица. В глазах же у Копейкина читались растерянность и затаенный страх.

– Вниз! – нервно крикнул репортер, махнул оператору и торопливо затопал по лестнице. – Я тебя ждать не буду!

– Да они далеко, успеем, – Кошкин снова навел камеру на монстров.

– Кошкин!

– Уже лечу! Ого! Как их много! Там еще что-то... кто-то... человек бежит!

– Кошкин, мяу твою мать! – В голосе Копейкина промелькнули истерические нотки. – Спускайся немедленно! Капитан машет, катер сейчас уйдет!

– Ух ты! – восторженно воскликнул оператор. – Во дает! Во дает, бродяга! Копейка, лезь обратно, такой кадр! Какой-то перец крошит чугунков, только искры летят!

– Чтоб тебе... – репортер едва не всхлипнул. – Простите, друзья... такое напряжение... Придется снова подняться наверх. Сейчас... сейчас... Ну, где твой человек?

– Вон там, овраг и сразу за ним. Видишь?

В кадре появился человек. Вернее – его контуры, едва различимые в клубах черного дыма, за рваной завесой из фонтанов грязи и бело-оранжевых взрывов плазменных боеприпасов. Оранжево-черно-белая картинка выглядела пугающей, но по-своему красивой. Она висела будто бы отдельно от серого фона сочащихся дождем небесных хлябей, словно объемное изображение, спроецированное на плоский серый фон. А перчику «вкусной» объемной картинке добавлял третий план – сплошная подвижная стена из механических чудовищ всех габаритов и мастей, преследующих человека.

Биомехов насчитывалось штук сто, не меньше.

В авангарде ехали колесные биомехи – «рапторы» и «носороги» – в прошлом легковые и грузовые автомобили. Если честно, сходство этих железных тварей с автомашинами заключалось только в наличии колес. Кузова изуродованных Зоной машин превратились в бугристые черно-рыжие панцири. Вместо фар, а у некоторых и вместо лобовых стекол, теперь остались только узкие, светящиеся красным щели. На крыльях и капотах выросли огромные шипы и рога, образовались гнезда курсовых орудий. А крыши легковушек и кабин грузовиков превратились в горбы, состоящие из полуколец и прочего вида сочленений.

Крупные машины – носороги – неслись, перемалывая громадными шипованными колесами грунт и автоны в однородную грязе-жестяную массу, а рапторы то и дело прыгали (прямо и чуть вправо или чуть влево от вектора движения) метров на двадцать, добавляя в общую какофонию взрывов, выстрелов и завываний рваный барабанный ритм проседающих до отбойников амортизаторов подвески.

Следом за авангардом неслась основная масса биомехов. В первых рядах шли «боты» – среднеразмерные изделия техноса, издавывая напоминая людей. Хотя не только людей. Боты имели множество модификаций – встречались среди них и крабообразные, и андроиды, и луноходы на шести колесах, и черт знает сколько прочих видов. Но сейчас основную массу преследователей составляли именно андроиды, то есть человекоподобные. Они даже бежали почти как люди и примерно с той же скоростью, чего было трудно ожидать от тяжелых железяк.

Впрочем, эта имитация человеческой пластики некоторыми видами ботов легко объяснялась. Их прототипы когда-то создавались для освоения иных миров, и за основу их компоновочной схемы конструкторы взяли параметры людей. Голова, тело, две руки, две ноги. А для пушкого сходства имитировалась походка, жестикация и голос человека. Возможно, конструкторами подразумевалось, что на других планетах в компании андроидов людям будет не так одиноко, что люди будут чувствовать себя сильнее и смелее ринутся навстречу первопроеходческим трудностям?

Теперь не имело значения, что задумывали конструкторы, но изделие бот-андроид действительно отдаленно походило на человека и пришлось ко двору не только на Марсе и Луне, но и в Зоне Смерти. Поначалу его использовали военные, пытаясь изучить аномальное пятимелье, а потом ситуация вышла из-под контроля и все роботы-исследователи были потеряны. Ненадолго. Буквально на пару дней. Правда, когда они снова появились перед ясными глазами прежних владельцев, выяснилось, что это уже далеко не те роботы-первопроходцы. Теперь они стали боевыми машинами, вооруженными импульсными и лазерными пушками, уродливыми, как помесь «чужого», «хищника» и «трансформера» из древних кинофильмов, и абсолютно недружелюбными к любым органическим существам. То есть в первую очередь к людям.

– Вижу их. Красиво бегут. А там... это что, тоже биомехи?

Копейкин махнул рукой, указывая куда-то влево. Оператор развернул камеру. В кадре появились огромные, размером с карьерный экскаватор, стальные чудовища, напоминающие пауков. В поле зрения репортеров оказалось всего штук пять или шесть монстров, но картина все равно выглядела жутко. Впрочем, оператора она почему-то не испугала, а только еще больше завела.

– Ага, пауки! – с затаенным восхищением шепнул Кошкин. – Ух ты, здоровые какие! Они шаровыми молниями стреляют. Или чем-то таким... Ох ты, блин!

Пауки без всякого предупреждения и видимых подготовительных действий вдруг дружно плюнули синими шаровыми молниями. Да не по одной выпустили, а каждый дал по очереди из семи-восьми «шаровух». Энергетические снаряды врезались в землю метрах в десяти от бегущего к морю сталкера и подняли просто гигантские грязевые фонтаны. С позиции репортеров казалось, что грязь взлетела даже выше смотровой площадки.

– Кошкин, – голос Ивана Копейкина сорвался на визг, близкий к писку, – уходим!

– Нормально все, Копейка, расслабь ягодицы, они по сталкеру бьют прямой наводкой, – оператора явно увлекла опасная игра. – До нас не долетит. Еще пять сек...

– А если промажут?! – изображение слегка вздрогнуло. – А если... этот... как его... перелет будет?

– Не будет... Отцепись от рукава... Хватит меня трясти, крупно сталкера возьму и ходу.

– А-а! – вдруг заорал репортер прямо в ухо оператору. – Говорил тебе! Говорил?!

– Мимо же...

– Еще летят! – взвизгнул Копейкин и вновь помчался по лестнице вниз.

Кадр осветился синими сполохами, изображение на миг смазилось, резко уходя вправо, а затем камера остановилась на акватории. Промелькнувшие мимо вышки синие сгустки энергии ухнули в воду и взорвались с такой силой, что поднятые волны едва не перевернули поджидающий репортеров катер. Капитан посудыны, заметив, что оператор смотрит на него, отчаянно замахал руками и что-то закричал, но его слова утонули в грохоте серии новых взрывов.

Выпущенные гигантскими пауками энергозаряды разнесли в пыль и щепки сначала остатки береговых построек, затем причал, а в финале и катер.

Оператор невнятно выругался и снова направил камеру на приближающихся монстров.

– Уходим, – в очередной раз взвизгнул Копейкин откуда-то с нижнего яруса. – Ухо-о-о...

Вопль репортера превратился в вой, который слился с воем энергоснаряда, летящего теперь без всяких перелетов точно в цель. Казалось, что прямиком в камеру. В кадре полыхнула синяя вспышка, раздался оглушительный грохот, а затем замелькали деревянные обломки, комья грязи и еще что-то непонятное.

Еще через миг изображение основательно вздрогнуло, кувыркнулось десяток раз, снова вздрогнуло и застыло, будто бы оператор Кошкин умудрился поставить картинку на паузу.

Фальшивая пауза длилась недолго. Спустя несколько секунд серая муть вновь пришла в движение и начала клубиться, а еще секундой позже в кадре появился грязный ботинок на толстой подошве. Носок ботинка легонько стукнул по стереоскопическому объективу, затем хозяин ботинка сделал шаг в сторону и, судя по сгустившейся тени, присел.

Изображение вновь дернулось, перевернулось градусов на сорок пять и очистилось от серой мути. Этому поспособствовал грязный палец человека, которым тот протер объективы.

Василий взял последний кадр крупно, поэтому сначала действовала прежняя настройка и в фокусе оказался только глаз человека. Нахальный, синий, с опаленными ресницами. Когда же электроника сообразила, что пора менять фокус, камера вновь полетела на землю, а откуда-то сверху торопливо захлопали импульсы «Шторма», штатного оружия военных и большинства сталкеров.

Новый ракурс получился таким же неудачным, как и старый. Изображение теперь «лежало на боку», но оказалось более информативным. Теперь зрители хорошо видели прежнего владельца камеры и его напарника. Оба лежали без движения, придавленные обломками метеовышки. Правда, оператор лежал на животе, неестественно вывернув голову – почти точно назад, а репортер валялся на спине, раскинув руки.

Хлопки выстрелов стихли, и в кадре опять появился человек с импульсником в руках. Даже в таком ракурсе – от земли, со спины, да еще под углом – он выглядел как заправский сталкер. Военные ботинки (на языке солдат – «берцы», а для сталкеров – «гады»), легкий боевой сервокостюм со следами от сорванных военных нашивок, ИПП в руках, десятизарядный импульсный пистолет «Страйк» в кобуре, да еще и лазерный армган на левом предплечье. За спиной у сталкера висел компактный рюкзак, поверх брони надета разгрузка с многочисленными кармашками, забитыми магазинами для «Шторма» и гранатами, голову украшал своеобразный легкий шлем или кепи с коротким козырьком, а на шее болталась фильтрующая маска. Образчик – хоть на плакат.

Сталкер прошел мимо оператора, вновь присел, теперь рядом с репортером, взял его пальцами за подбородок, слегка встряхнул, пробормотал негромко, но внятно: «Понаехали, бля, романтики», а затем вдруг ухватил Копейкина за ремень, поднял и легко понес куда-то в сторону морского берега...

* * *

Черный Лис выключил проектор, беззвучно поаплодировал, негромко пробормотал: «Копейкину зачет, а оператору и сталкеру браво», – а затем снова сделался безучастным и уставился в окно.

Середина июня откровенно разочаровала. Где-то жарило на полную катушку солнечное лето, а здесь... И раньше-то в этих местах было не очень, а теперь и вовсе тоска. Дожди, дожди, дожди. Гиблое место эта Зона, в какой локации ни окажись. Везде сыро, грязно, опасно...

«Но и прибыльно тоже везде, – взбодрил себя Черный Лис. – Что перевешивает все неудобства, тоску и опасности. И перевешивает с большим запасом».

Черный Лис поднялся с кресла, прошелся по комнате, массируя шею тонкими, но цепкими пальцами, затем остановился и приказал коммуникатору вызвать посредника. Имплант-коммуникатор привычно активировал режим модуляции голоса, но Черный Лис сразу же отключил эту функцию. Теперь не требовалось скрывать от посредника свой настоящий голос. Лицо тоже.

Впрочем, изображение Черный Лис так и не включил.

– Слушаю тебя, – мгновенно ответил посредник.

– Здравствуй, Каспер, – Черный Лис добавил в голос немного ноток усталости. – Буду краток.

– Да, я тоже занят, – Каспер едва удержался от усмешки.

Посредник явно осмелел в последнее время. Даже можно сказать – обнаглел. Почему? Черный Лис этого не понимал. Ведь после Технореволюции и «механической эпидемии», уничтожившей больше людей, чем Большая зачистка 2056 года, позиции всех прежних покровителей посредника серьезно пошатнулись. И, наоборот, позиции мафиозного синдиката, интересы которого представлял Черный Лис, укрепились. Но посредник Каспер вел себя так, будто бы после войны машин все изменилось с точностью до наоборот и теперь на коне оказался он, а не Черный Лис. Такого поведения Каспера Лис не понимал, а потому нервничал. Но старался не подавать вида.

– Один наш общий знакомый должен синдикату кругленькую сумму, помнишь?

– Припоминаю.

– Пришло время отдавать должок.

– Пришло, значит, пришло. Я найду нашего приятеля и передам ему твои условия. Сбрасывай файл.

– Не спеши, посредник. Есть кое-какие нюансы.

– Почему-то я не удивлен, – на этот раз Каспер и не пытался скрыть усмешку.

– Информацию я передам непосредственно Лешему. Твоя задача – обеспечить связь. Я мог бы найти его сам, как нашел вашу теплую компанию в Москве две недели назад, но не хочу терять время. Да и не люблю я все эти переходы по тоннелям и марши сквозь Барьеры.

– Может быть, и не потребуется никуда переходить?

– Я сейчас далеко от Соснового Бора, посредник, – ответил Черный Лис, намекая, что хитрость Каспера не сработала. – Обеспечь мне М-связь – это все, что от тебя требуется.

– Как скажешь, – Каспер пожал плечами. – Мой интерес уже на счету?

– Сначала связь.

– Что-то новенькое, – посредник отрицательно качнул головой. – Так не делается, Лис.

– Теперь так делается! – отчеканил Черный Лис. – Ты тоже должен синдикату, забыл?

– Без моих гарантий Леший не согласится...

– Согласится! – Лис повысил голос. – Номер, посредник!

– Игры не по правилам обычно плохо заканчиваются, – предупредил Каспер. – Вспомни игру профессора Сливко. Он нарушил правила и едва не погубил все живое. Причем сделал это дважды с интервалом в шесть лет – сначала запустил Тоннельную установку, а затем устроил «жестяную эпидемию».

– Я помню, Каспер. Профессор найден вольными охотниками и скоро получит за свою самодеятельность все, что ему причитается. Но я не стал бы сравнивать.

– А я сравниваю. И предупреждаю тебя...

– Не в твоём положении диктовать условия, посредник! – возмущенно перебил Каспера «ноль третий». – Дашь номер или мне позвонить наверх и сообщить, что ты отказываешься сотрудничать?

– Дам, Лис. Куда же я денусь? И номер, и бесплатный совет. Не пытайся больше обманывать Лешего. Он теперь совсем не тот человек, каким был всего-то две недели назад.

– Весь мир теперь не тот, посредник, – почти без интонаций ответил Черный Лис. – Одно в нем осталось неизменным. Правила игры устанавливают те, у кого есть сила. Устанавливают или отменяют. Не суть важно.

– Я говорю о том же, – посредник снова усмехнулся. – У кого есть сила. Реальная сила, а не ее имитация в виде денег и иллюзии власти. На Большой земле все это связано, но в Зоне Смерти свои законы. Иногда они стыкуются с общими, но чаще – нет. Поразмысли над этим, Черный Лис, на досуге. Впрочем, если ты все-таки начнешь играть с Лешим не по правилам, досуга у тебя в ближайшее время не предвидится. Могу поставить сто к одному.

Глава 1

Зона, локация Сосновый Бор, 15.06.2057 г.

«Все началось внезапно. 13 сентября 2051 года, в разгар бабьего лета, которое баловало теплыми деньками даже прохладный Новосибирск, грянул гром. Он прилетел не откуда-то из-за горизонта и не обрушился на землю из подбрюшья сизых грозовых туч. В тот день вообще не наблюдалось никаких грозовых фронтов почти над всей страной. Золотым пятком сияло солнышко на чистом осеннем небе. И вдруг грянул гром. Оглушительный, раскатистый, мощный, пробирающий до костей. Будто бы взорвались тысячи бомб.

Когда отгремели громовые раскаты, на короткое время воцарилась мертвая, гнетущая тишина, а затем началось то, что впоследствии назвали Катастрофой. Вот так просто и незатейливо, разве что с большой буквы, но вкладывая в слово особый смысл. А если точнее – страх. Да что там страх! В это слово с тех пор навсегда вплелся животный, не передаваемый никакими словами ужас. Леденящий душу, разрывающий мозги, лишаящий чувств ужас, помноженный на отчаяние.

За громовым предупреждением пришла новая волна предвестников Катастрофы – серия мощных подземных толчков, а затем... мир, каким его знали на Евразийском континенте, да и вообще весь мир, покатился к черту. Евразия получила пять гигантских пробоин, и один Бог знает, как не пошла после таких повреждений ко дну.

Все это – образные выражения, но они очень близки к реальности. В тот злополучный день на теле Евразии образовались пять ровных, будто бы пулевых, отверстий, из которых к синим небесам устремились исполинские фонтаны сверхмощных взрывов.

Позже выяснилось, что Взрыв был один, и произошел он где-то в запредельном мире, вне нашего пространства и времени, но в тот момент никто ничего этого не знал. Да и если знал, что от этого менялось? Ровным счетом ничего.

Пять взрывов одной Катастрофы прогремели секунда в секунду в пяти далеких друг от друга точках континента и превратили участки диаметром в сотни километров в сплошную зону бедствия. А когда неугомонные взрывные волны распространились достаточно далеко, даже самым невозмутимым заокеанским скептикам стало ясно, что Катастрофа имеет вовсе не локальный евразийский масштаб.

Но суетиться было поздно. Сильнейшие землетрясения с эпицентрами в пяти точках Евразии, ураганы взрывных волн, цунами и тучи пепла вскоре распространились по всей Земле. Досталось всем и везде. Хотя, конечно, как досталось тем, кто жил в эпицентрах катаклизмов, не рассказать, ни спеть, ни вышептать.

Москва, Сосновый Бор под Питером, легендарная зона отчуждения вокруг Чернобыльской АЭС, мыс Казантип на Азовском побережье Крымского полуострова и Новосибирский Академгородок. Вот пять точек, в которых находились эпицентры взрывов, встряхнувших до основания весь мир. Пять территорий, которые впоследствии стали пятью локациями Зоны Смерти – выжженного дотла пространства, безжизненной пустоши, перепаханной ударными волнами, изуродованной глубочайшими разломами земной коры, покрытой потеками застывшей лавы и горами обугленных обломков цивилизации.

А ко всему прочему сразу после того, как отгремела какофония Катастрофы, все эти пять локаций оказались внутри Барьеров – гравитационных сфер неизвестного происхождения, каждая шестидесяти километров диаметром, в глубине невидимых трехкилометровых стенок которых сила тяжести достигала трех «g». Причем гравитация в толще невидимой стены Барьера нарастала постепенно, посередине возрастая втрое, а дальше снова постепенно снижаясь до нормы.

Но все это произошло чуть позже. Сначала был помноженный на пять Взрыв, за ним последовал выброс энергии неизвестного происхождения и с неведомыми свойствами, после чего мир будущей Зоны поглотила одна гигантская пыльная буря, а дальше и вовсе пошло-поехало.

Ударная волна запредельно могущественного Взрыва смела со своего пути почти все дома и деревья, разорвала и вздыбила землю, взметнула в небо триллионы тонн грунта, пыли и воды из морей, рек и озер. И все эти тонны грязи затем рухнули с километровых высот, похоронив все живое в радиусе десятков километров.

Казалось бы, пошалили и хватит, но нет, устроивший Катастрофу неведомый враг будто бы решил просеять всю почву до последнего камешка на пострадавшей территории, избавляясь от любой, даже микроскопической, органики. Землю непрерывно трясло, по ней ползли трещины гигантских разломов, а прорывающаяся на поверхность через разломы магма выворачивала наизнанку верхние слои земной коры и поджигала леса. Ураганы раздували пожары и поднимали к облакам тучи дыма, пыли, пепла и сажи, огромные волны наводнений тушили пожары и отправляли в атмосферу еще и клубы горячего ядовитого пара, а слабеющие, но по-прежнему грозные взрывные волны и цунами огибали земной шар, добираясь до самых дальних рубежей.

Так продолжалось довольно долго, но всему наступает конец, даже светопреставлению. Постепенно дрожь земли пошла на убыль, ураганы стихли, а тучи пепла, сажи и грязи окончательно осели на изуродованную землю. И вот тогда-то выяснилось, что, во-первых, в центрах всех пяти локаций кружат и не собираются униматься огромные вихри, а по их периферии и сверху мертвые территории теперь прикрыты гравитационными колпаками-барьерами. Тогда еще люди не знали, что такие же «колпаки», только перевернутые, ограничивают локации и под землей, замыкая сферы Барьеров. Тогда многого еще не знали, да и не особенно хотели знать. Тогда все хотели только одного – выжить. Жаль, что это ни у кого не получилось.

Люди гибли миллионами. Материальный ущерб был невосполним. Моральный – тем более. Ни сразу после Катастрофы, ни позже. Такое восполнить было просто нереально. Да и некому. В пяти локациях образовавшейся Зоны Смерти не осталось никого живого.

Поначалу. Когда же основная фаза Катастрофы закончилась, вдруг выяснилось, что внутри локаций погибли не все.

Прошло какое-то время, и неизвестно откуда в Зону начали возвращаться пропавшие в катаклизме люди. Сначала по одному-два в день, а затем и десятками они появлялись в центрах локаций, более-менее приходили в себя и отправлялись на поиски выхода из этого ада. Тоненькие ручейки выживших медленно потянулись к Барьерам, с трудом вышли за них и... ушли обратно в Зону. Никто из вернувшихся невесть откуда счастливых больше не мог жить вне Зоны. Людей мучили сильные боли и приступы тошноты, они буквально сходили с ума, если удалялись от проклятых «пузырей» более чем на сотню километров, они были готовы продать душу, лишь бы вернуться в Зону Смерти. Поначалу их называли «проклятыми», но когда разобрались, в чем причина их безумия, стали называть «жжеными». И это было точнее.

Фокус заключался в том, что из неизвестного пространства, доступ в которое открывался внутри вихрей, вернулись только те люди, которые еще до Катастрофы вживили себе компьютерные импланты в разные части тела, а главное – в мозг. В конце сороковых годов двадцать первого века это считалось удачной идеей. Микроскопический компьютер, сделанный из нанороботов, ничуть не вредил человеку, встраиваясь в его нейронную сеть, или, как выражались узкие специалисты, «подсасываясь к мозгам», зато обеспечивал ему заметные преимущества перед людьми без имплантов. Во всем, от калькуляции или простейшего расширения объема памяти до решения в уме сложных логических задач. К пятидесят первому году любой специалист без компьютерного импланта в голове просто не выдерживал конкуренции с «подшитыми» коллегами, а «чистый» студент не имел шансов стать таким специалистом, поскольку не

мог зафиксировать в памяти терабайты информации, как это делали «компьютеризованные» товарищи по кампусу. Даже школьники не могли обойтись без вживленных компьютеров. Ведь как иначе «закачать в память» толстый том какого-нибудь учебника – понятное дело, слово в слово. С имплантами же это все равно что зазубрить считалочку про гуляющего зайчика.

В общем, к пятидесяти первому имплантная лихорадка захлестнула большинство населения планеты, поэтому нет ничего удивительного в том, что у всех людей, которые вернулись из загадочного «зазеркалья», скрытого пылевыми вихрями и пространственными искажениями, имелись компьютерные импланты в мозгах. Удивительным казалось другое. Все эти импланты теперь обрели новые свойства, доселе неведомые и очень странные.

В первую очередь, такие импланты не удавалось удалить из головы носителя. Все попытки закончились печально. Утешало одно – люди погибли не напрасно, у специалистов появилась возможность изучить их импланты. Ученые с энтузиазмом взялись за дело и пришли к еще более странным выводам.

По всем признакам импланты пострадавших были оплавлены. Но не в момент извлечения, а гораздо раньше. Скорее всего, в тот момент, когда люди находились внутри вихрей. И тем не менее эти импланты работали. Более того, их производительность поднялась на порядок выше, чем у нормальных аналогов, не оплавленных неведомой энергией.

Вторым странным моментом стала связь главных имплантов со вспомогательными, зачастую совершенно новыми для носителя. Сигналы с управляющего нанокomпьютера передавались ко вживленным «девайсам» гораздо быстрее, чем это могли делать проводящие пути человека, то есть синапсы его мозга и периферийные нервы. После тщательного изучения ученые обнаружили тончайшие нанонити, которые пронизывали организмы вернувшихся из небытия людей, делая их нервы лучше приспособленными к мгновенным ответам на импульсы и раздражители, мышцы менее подверженными утомлению, а кости и связки – более крепкими.

Ну, а третьим сюрпризом стали весьма полезные для первопроходцев способности «пострадавших». Например, способность концентрировать энергию Зоны и создавать между пальцами или ладонями дуговые разряды или формировать нечто вроде шаровой молнии. Или способность преобразовывать материю, придавая ей новые свойства, например превращать воду в лед комнатной температуры.

Обнаружились у жженных и другие таланты, но проявить их «проклятые» смогли только когда следом за странными «переплавленными» людьми в Зону вернулась Смерть. Вернулась в виде сотен тысяч всевозможных металлических чудовищ – биомехов (первоначально их называли механоидами) и скоргов, порождений двух миров: человеческого и запредельного. Почему двух? Все просто. В нашем мире большую часть этих чудовищ изготовили, а в запредельном доработали по адским стандартам.

Издадала казалось, что это все те же автомобили, роботы, танки... но вблизи становилось понятно, что теперь это не машины, которые до Катастрофы верой и правдой служили людям, а биомехи. То есть мыслящие и существующие по особой программе твари из железа, пластика, силикона и прочих неорганических материалов. Неживые, но живущие, словно те вампиры из сказок. Живая механика. Говоря околонучным языком – биомеханика.

Поэтому их так и называли – биомехи. (А не механоиды, что переводится как «подобные механизмам». Механизмы, подобные механизмам? Абсурд. Хотя первым наивным исследователям Зоны Смерти такие ошибки простительны, они выбирали названия для металлической нежити по принципу «чтоб звучно и жутковато».) Или «изделия техноса», если перейти на язык военных.

Почему понадобилось переходить на этот своеобразный язык? Да хотя бы потому, что биомехи сразу же начали войну, и первыми, кто отреагировал на провокацию железных тварей, были, естественно, военные и бойцы специальных подразделений других силовых ведомств. Они оцепили локации еще до того, как рассеялся весь дым и развеялся пепел. Оцепили, всту-

пили в бой с загадочным противником и, как ни странно, удержали свои позиции, хотя биомехи явно пытались вырваться из локаций и наседали с невиданным упорством. А ведь могли и не удержать, поскольку биомехи не только выглядели как чудища из ночных кошмаров, но и применяли неизвестную людям тактику. По сути, первая схватка с изделиями в изолированных пространствах локаций была, цитируя известного поэта, «битвой при закрытых дверях, борьбой жизни с черт знает чем».

Теперь, спустя много лет, понятно, что геройствовать было необязательно, расползтись далеко железные твари не могли. Но тогда люди этого еще не знали и проявили все свои лучшие бойцовские качества. (Сами биомехи поначалу, похоже, также не слишком хорошо понимали, на что способны, а на что нет.) Чугунное воинство было заперто в Зоне, а кое-где и разгромлено.

Вот хотя бы из уважения к этому подвигу военных, а также бойцов подразделений МЧС и оперативных отрядов спецслужб, впоследствии сведенных в Барьерную армию под командованием генерала Шепетова, стоило дать биомехам и второе наименование – изделия. Так народ и поступил, хотя с большим удовольствием называл механическую нежить чугушками или железяками. То есть по-простому, пренебрежительно и заносчиво. Чисто для поднятия морального духа, чтоб не слишком их бояться. Такой уж он, наш народ. Способен пережить все, что угодно, да еще и посмеяться над проблемами. Хотя и серьезно к ним отнестись тоже может. Иногда даже серьезнее, чем ученые.

Когда схлынула первая волна Катастрофы, народ начал разбираться, что же все-таки произошло, и, надо признать, преуспел. Поначалу слухи, сплетни и байки, которых уже через три дня накопилось на целую библиотеку, были даже достовернее и откровеннее бляения ученых, пытавшихся найти Катастрофе какие-то псевдонаучные объяснения.

Простые люди не искали сложных объяснений простым вещам, соблюдая принцип Оккама (вот они удивились бы, узнав, что следуют каким-то мудреным философским принципам). В народном понимании все объяснялось без особых загвоздок: какие-то умники испытывали какую-то хрень, которая жажнула, не выдержав нагрузки. Ну, вроде реактора на Чернобыльской станции много лет назад.

Теперь сравните. Вот что говорили ученые. Катастрофа стала результатом неудачного эксперимента по прокладке внепространственных переходов или, если короче, гипертоннелей.

Понятно, что второй вариант чуть ближе к истине, но какой он скучный!

Впрочем, ладно. Все это вкусовщина. Кому-то нравится простота, кому-то наукообразность. Сути дела это не меняет.

Катастрофа действительно стала результатом неудачного эксперимента по прокладке гипертоннелей. Когда возникла внепространственная сеть, соединяющая пять злополучных точек, на контуры тоннельной установки была подана слишком большая нагрузка, и установка... жажнула. В результате сдетонировала неизвестного рода энергия запредельного пространства, и волны взрывов покатались по гипертоннелям. Покатались напрямиком к выходам, так называемым «тамбурам», тем самым, что после Катастрофы не захлопнулись, как можно было ожидать, а продолжали соединять пять территорий зоны бедствия и теперь обозначались пылевыми вихрями.

Наличие в центре каждой из локаций «тамбура», войдя в который можно переместиться в любую из пяти частей Зоны, подтверждало эту версию, а вот бесследное исчезновение «тоннельной установки», которая, предположительно, создала гипертоннели, версию практически опровергало. Ведь если нет установки, нет и производимого установкой эффекта. Однако же установка исчезла, а эффект остался. Почему? У специалистов внятного ответа на этот вопрос не нашлось, и они снова уступили трибуну народу.

И народ опять ответил поразительно просто: «плохо искали».

Ученых эта версия не устроила, и они вновь погрузились в пучину рассуждений, но так ни к чему разумному и не пришли. Одни эксперты говорили, что установка находится не в Зоне Смерти, а в Узле, на перекрестке гипертоннелей, который спрятан от любопытных глаз где-то в ином измерении. Другие настаивали на организации масштабной экспедиции в центр Чернобыльской зоны отчуждения. Третьи предлагали поискать локацию номер шесть, якобы скрытую за барьером пространственно-временного сдвига.

Военных и народ все это не интересовало, поэтому вопрос о причинах Катастрофы они подвесили в воздухе и занялись насущными делами. А дел этих накопилось выше крыши, в смысле, выше купола Барьера, до самой стратосферы. В первую очередь следовало разобраться с биомехами, скоргами, металлическими растениями – автонами и вообще со всей «совокупностью биомеханических изделий», которую сокращенно называли техносом. «Совокупность» поначалу вызывала только научно-спортивный интерес, но очень скоро «оборзела» и начала бесцеремонно вытеснять из Зоны людей. Это с родных-то мест! Пусть выжженных, изуродованных, но ведь своих, исконных.

Во время Катастрофы в вихри-тамбуры гипертоннелей помимо имплантированных людей было затянута великое множество машин и механизмов, поэтому вскоре после первой атаки биомехов последовало второе пришествие «падшего Техноса», за ним третье и так далее. Машины возвращалась ежедневно, а потом и ежечасно, расползались по мертвым территориям, собирали себе подобную ржавую рухлядь и отвозили ее к тамбурам. Через некоторое время усовершенствованная внутренне и основательно изуродованная внешне техника вновь возвращалась из тамбуров и тоже уползала к периферии локаций на свой нехитрый промысел.

Понятное дело, военным вся эта экспансия не нравилась, и они пытались загнать всех биомехов обратно в тамбуры, а народ – к тому времени уже окончательно определившийся и со своей ролью в Зоне, и с источниками дохода – начал охоту на изделия. Простые люди, которые стали именовать себя привычно – сталкерами, и армия ставили перед собой разные задачи, но действовали те и другие примерно одинаково. Мочили чугунок направо и налево, а потом тащили более-менее уцелевшие экземпляры ученым. Военные своим, а сталкеры – нелегалам.

Однако технос прогрессировал угрожающими темпами. Программы умных машин усложнялись, модернизировалось их вооружение, улучшались прочие тактико-технические характеристики. Довольно скоро машины приступили к новому этапу освоения Зоны – строительству укрепрайонов (как говорили военные), или на языке сталкеров – Городищ. Затем они начали рыть подземные коммуникации, соединяющие Городища с энергетическими полями и ключевыми точками локаций, и корректировать рост автонов таким образом, чтобы создавать из них дополнительную защиту для своих огневых точек, а также ловушки и лабиринты, проходимые исключительно для изделий техноса. Вот почему года через два и военные, и сталкеры просто перестали справляться с нагрузкой.

Каким образом технос добился таких успехов за такое короткое время? Все дело в руководителе. Именно он совершенствовал биомехов и обеспечивал стремительность их эволюции. И имя этому механическому создателю – Узел. Тот самый перекресток гипертоннелей, а вернее – нечто, засевшее в его многомерных глубинах. Именно в Узле, по мнению большинства экспертов, да и по мнению народа, проводилась модернизация биомехов и скоргов.

А что же люди? А они упрямо гнули свою линию. Несмотря ни на какие потери, трудности и приступы отчаяния. Что еще им оставалось делать?

Люди продолжали строить в Зоне «свою половину мира», чередуя строительство с отражением атак биомехов. Военные обустраивали базы, блокпосты и аэродромы, а незаконно проникшие в Зону новые сталкеры объединялись в группировки, банды и секты и занимали более-менее уцелевшие поселки и руины, где устраивали рынки, кабаки, ночлежки и прочие заведения «инфраструктуры». Некоторые пионеры Зоны даже пытались создать свою идеологию, ведь известно, что идеологически подкованная сволочь работает и дерется лучше обычной.

Так и держались какое-то время. И продержались! Более того, дождались момента, когда в Зоне установилось нечто вроде равновесия и война с техносом перешла в позиционную фазу.

На первый взгляд, все утряслось до полного равновесия, и дальше «всем будет какое-никакое счастье». Ведь люди не только выжили, но еще и удержали позиции, а кое-где даже установили свои правила игры. Но очень скоро, к четвертому году существования Зоны, выяснилось, что равновесие – это слишком скучное для людей состояние. Военных и нелегалов по-прежнему объединяло то, что они вынуждены противостоять общему врагу, но методы борьбы с биомехами к тому времени отточились до остроты хорошей катаны, и у людей нашлось время для вражды между собой.

К 2056 году человеческая диаспора Зоны превратилась в настоящую клоаку. Здесь плелись крупномасштабные интриги, процветала работорговля, ставились эксперименты над умирающими от механической «заразы» людьми и заключались самые циничные на планете коммерческие сделки. Наверное, поэтому никто (ни в Зоне, ни в мире) особенно не удивился, когда в ноябре 2056 года во всех пяти локациях вдруг вспыхнуло пламя Большой зачистки, во время которой военные попытались решить разом все проблемы – и с биомехами, и со сталкерами.

Понятное дело, ничего Большая зачистка не решила. Генерал Шепетов отдал приказ о тотальном уничтожении всех и вся, военные этот приказ выполнили, генерала за это самоуправство сняли с должности, но воз остался там, где его бросили «лебедь, рак и щука». Как и сразу после Катастрофы, Зона по-прежнему оставалась мертвой пустошью, технос – бездушной механической нежитью, а люди – завистливыми и алчными тупицами, убивающими друг друга непонятно ради чего. Ничего не изменилось.

Как не изменится никогда. Таковы законы мироздания. Во всяком случае, такие законы действуют в Зоне. Биомехи и скорги контролируют ее развитие, а люди пытаются выжить и заработать. Так продолжалось шесть лет кряду, и нет реальных причин, чтобы этот порядок вещей изменился. Ведь, чтобы его изменить, следует нарушить баланс сил, а он, проклятый, почему-то никак не желает нарушаться. Судите сами.

Катастрофа уничтожила всех обитателей Зоны – вроде бы баланс сместился в пользу машин, но каждый из людей, которые сумели вернуться из Узла, то есть каждый из жженных, стоил сотни обычных бойцов, и, положив руку на сердце, именно они сумели вдохновить военных и организовать солидное сопротивление чугункам.

Во время Большой зачистки чаша весов склонилась на сторону людей, ведь военные начали с бомбардировки мест скопления изделий, но вскоре человеческий маразм окреп, и военные шарахнули плазмой по сталкерам. Так что и чугункам, и людям досталось поровну.

С началом Технореволюции – войны «узловых» и «тройных» машин в первых числах июня 2057-го – преимущество вроде бы снова получили люди, да только сразу же его потеряли. Разразилась эпидемия, и половину людей в Зоне выкосила «механическая зараза серии X».

«Не жизнь, а качели. Ну, и что прикажете с этим делать? Уйти из Зоны нереально, жить в ней невозможно, умереть – неинтересно. Ситуация сложилась просто безвыходная. Никакого выбора. Даже отчасти смешно. Смех, конечно, нервный, но другого из себя не выдавить. Никакого выбора – вы только представьте себе такую ситуацию. Представили? Ну и как? С ума не сошли?»

А ведь теоретически – хотя бы чисто теоретически! – у людей всегда должен быть выбор. Необязательно он должен им нравиться, и необязательно этот выбор будет легким и приятным. Но он должен хотя бы просто быть. Не можешь победить – пойдешь на компромисс, не можешь понять – отложи тему, разберись в деталях, а потом снова штурмуй. Не можешь преодолеть себя – взгляни на ситуацию со стороны, найди, за что зацепиться, сосредоточься на этой «зацепке» и пройди через трудности другим путем, возможно, более длинным, ничего страшного. Важен результат. Так что выбор должен быть всегда, пусть сразу его будет трудно заметить. Не сразу, так чуть позже, но обнаружить альтернативу человеку просто необходимо.

Заметить, что выбрал что-то не то, что идешь неверным путем, что следует вернуться и попробовать пойти другой тропой.

Так что выбор теоретически должен быть всегда. Но на практике...»

...Сталкер по прозвищу Леший отбросил грустные мысли. Простая истина насчет выбора пути открылась ему поздно. К тому времени выяснилось, что возвращаться ему некуда. Он уже стоял у обрыва и пытался сделать пресловутый выбор между двумя новыми вариантами. Прямо скажем, опять не ахти какими: пройти по краю пропасти либо тупо шагнуть через край и надеяться, что глубина пропасти мизерная, метров десять, а на дне поджидают не холодные острые скалы, а теплая спокойная вода.

Как человек здравомыслящий, Леший предпочитал первый вариант. Тем более что ходить по краю пропасти ему уже доводилось, и ничего, прошел, выжил и даже остался целым и невредимым. Но судьба упрямо подталкивала Лешего к варианту номер два. То есть к шагу с обрыва.

Нет, если взять промежуток времени от момента, когда Леший впервые прошел сквозь Барьер локации Москва и до конца мая 2057 года (огромный срок по меркам Зоны, почти пять лет), сталкеру в целом чертовски везло. Он умудрялся не только выживать в бесконечных конфликтах с местной чугунной фауной и с живыми конкурентами, но еще и зарабатывать.

Основным источником заработка Лешего, как и большинства ходоков, стали всевозможные образчики мелких биомехов, а также Н-капсулы, агломерации чистых, не имеющих программы нанороботов. То есть строительный материал, из которого состояли компьютерные «мозги» всех изделий в Зоне, а также из которого в загадочных Городищах изготавливались скорги – мелкие (а иногда и крупные) железные зверушки.

Плюс неплохую прибыль приносили «сафари», развлечение для богатых отморозков и соскучившихся по адреналину менеджеров средней руки, проводником на которые Леший нанимался в моменты крайней нужды.

Ну, а если обращались серьезные люди, ученые, допустим, или представители деловых кругов (мафиозных в основном), сталкер без проблем водил клиентов на поиски редких, но полезных артефактов. Чаще всего он искал аккумуляторы изделий, или, как их романтично окрестили сталкеры, «Сердце зверя», а также своеобразное оружие. Например, «Плети» и «Фричи». Изредка удавалось добыть и кое-какие сложные технические штучки, вроде «джампера» – пояса, дающего возможность перелетать с места на место в пределах видимости, или «щита», запросто отражающего лазерные лучи, дуговые разряды или шаровые молнии, которыми так любили швыряться крупные биомехи.

Но главным товаром на сталкерских рынках в пяти локациях Зоны все-таки оставались чистые Н-капсулы и технологии, то есть новейшие образцы биомехов или скоргов. На этом делал свои основные деньги и сталкер по прозвищу Леший. Как и прочие ходоки, он добывал хабар, доставлял его на рынки, сдавал барыгам, а те переправляли своими тайными тропами все это богатство за Барьеры.

За пределами локаций образцы работали недолго, насколько хватало заряда в «Сердцах зверя», пополнить который удавалось только на энергополях, встречавшихся, в свою очередь, исключительно в пределах локаций Зоны. А чаще изделия не работали вовсе, ведь большая часть товара доставлялась без аккумуляторов (опасно ведь таскать в мешке «живые» изделия, да и невыгодно продавать «батарейки» в комплекте с товаром). Но бизнес все равно процветал. Ученым на Большой земле хватало работы и с обесточенными шедеврами неизвестного конструктора, который засел в Узле и без усталости кроил и перекраивал все подряд, лишь бы оно являлось неорганическим и имело электронную начинку: как бывшие творения человеческих рук, так и собственные изобретения.

В общем, жил себе сталкер Леший не тужил. Зарабатывал и тратил, дрался и мирился, развлекался и грустил с похмелья, болел и выздоравливал (хоть и не полностью), спал и бодр-

ствовал, ел и... короче, все шло, как у людей. И вот надо же такому случиться, однажды сталкер Леший все-таки допрыгался. В смысле, доходился по Зоне Смерти. Нарвался на засаду биомехов, провалился в какой-то склеп и нашел там ценный старинный имплант. Ничего особенного, казалось бы, рядовое событие, но после него началось такое безобразие, вспоминать не хочется! Мало того, что к Лешему, как к магниту, начали притягиваться самые опасные и злобные биомехи – один только Троян чего стоит! – так к нему стали липнуть неприятности, как мухи к меду, и, как стаи голодных волков, за ним принялись гоняться чуть ли не все незаконные группировки и военные.

Поначалу это казалось занятным, потом пришлось задуматься, а еще чуть позже и вовсе лечь на дно, настолько гигантским стал ком проблем. Да тут еще выяснилось, что найденный Лешим старинный компьютерный имплант «чудесным образом» перекочевал из кармана сталкера ему в голову и теперь работает сопроцессором у прежнего импланта. Хотя тут еще вопрос, кто теперь у кого стал сопроцессором. Вживленная Лешему штукovina оказалась гораздо мощнее старого компьютерного импланта, а информация, которая содержалась в памяти «обновки», стала и вовсе бомбой, взорвавшей не только привычную жизнь сталкера, но и его личность.

Не сказать, что «взрыв» испортил Лешего, скорее, наоборот, принес ему немалую пользу. Новый имплант обучил своего носителя очень полезным жизненным премудростям, сделал из него отличного бойца, да и просто научил думать. В связи с улучшениями внутренними наметились и улучшения внешние, в смысле – на личном фронте. Новый поумневший и посерьезневший Леший стал нравиться Лере – подруге по несчастью, которая случайно ввязалась в дела Лешего и теперь шла с ним рука об руку по хитрым жизненным лабиринтам. Все это только радовало, но где-то в глубине души оставалась заноза. А если бы не нашел этот имплант? Так и остался бы серым, никчемным тупицей? Обидно за генетику!

С высоты нынешнего положения Леший отлично видел, что обижаться не на что и не на кого, кроме как на себя самого. А кто мешал раньше заняться собой? Подучиться, потренироваться, книжки почитать. Никто и ничто, кроме собственной лени. Ведь тут вот какое дело: ничто не берется из ничего. Если ты реально тупица, учи тебя – не учи, вживляй компьютерных помощников в мозги – не вживляй, толку не будет. А если появился толк, да еще так резко, значит, никаким тупицей ты не был. Значит, мозгов было достаточно и до «синхронизации» с имплантом и его безразмерной базой уникальных данных. Значит, был ты обыкновенным лентяем и винить в своей серой жизни и неудачах прошлого должен только себя. Только себя.

Ну, и на что в таком случае обижаться? На свою лень? А вот это правильно. Разозлись на нее и растопчи. Так, чтобы исчезла раз и навсегда.

Примерно так Леший и поступил. Растоптал и забыл. А уж после того, как заработал среди сталкеров и военных определенный авторитет, вмешавшись в недавнее противостояние Узла и Трояна и практически единолично решив его исход, от лени в организме Лешего не осталось и следа.

С того момента прошло почти две недели, и все это время Леший постоянно мотался по локациям, помогая то тем, то другим группировкам, группам и мелким группкам сталкеров восстанавливать разрушенные после Технореволюции связи, а зачастую и сглаживая конфликты. Слово сталкера Лешего, о котором буквально месяц назад не знал никто, кроме десятка близких друзей и деловых партнеров, теперь ценилось больше, чем слова лидеров некоторых крупных группировок. Нет, до популярности Хантера-Командора Ордена Священного Узла или гетра Хистера, лидера неонацистской группировки «Ковчег», Леший пока не дорос. И до уровня Дьякона, духовного отца секты «Пламенный крест», сталкер пока не поднялся, но слушок, что Леший, возможно, и есть Избранный, тот самый, который избавит Зону Смерти от механической нежити и принесет людям справедливость и мир, планомерно и неуклонно поднимал акции сталкера.

Как сказала Лера, «надо только оставаться на плаву, а все остальное за тебя сделает народная молва». Вот Леший и старался. Зачем? Честно говоря, он и сам не понимал зачем. Чтобы не сидеть без дела, чтобы отточить свои новые способности, чтобы покрасоваться перед Лерой и заработать пару лишних очков? Наверное, все вместе. А еще втайне Леший надеялся найти, а вернее нащупать, путь, который выведет его и Леру из одного пренеприятного тупика.

Каким бы Леший ни был «народным героем», пусть даже реально Избранным, огромный долг перед Барьерной мафией висел над ним как дамоклов меч. Пока этот долг не будет погашен, спокойная жизнь не светила ни Лешему, ни Лере. Собственно, эта напряженность во взаимоотношениях с мафиозным синдикатом и стала тем краем пропасти, по которому ходил Леший.

После разрушительной войны биомехов и жестокой эпидемии среди людей в Зоне Смерти наступили смутные времена. Все прежние лидеры практически сошли с дистанции, сильные группировки и военные ослабили свой контроль, наружу повылезали мелкие, но дерзкие бригады и всевозможная сволочь, и лишь Барьерная мафия осталась в силе и даже стала еще влиятельнее, чем была до июньских событий. Фактически синдикат стал единственной властью во всех пяти локациях. Незаконной, зато полностью контролирующей ситуацию.

В общем, получалось, что «край пропасти» не такое уж преувеличение.

А как вы хотели? И у героев могут быть вполне обычные человеческие проблемы...

Леший резко затормозил у края глубокого оврага и оглянулся. Рассмотреть преследователей сталкер не мог, мешали густые заросли жестяной растительности, но Леший отлично слышал тяжелую мерную поступь ботов и скрежет гнущихся металлических кустов.

На самом деле бегство от какой-то полусотни шагающих биомехов, десятка рапторов и нескольких пауков не имело особого смысла. За спиной у Лешего висел ИПП «Шторм» системы Карташова, на предплечье сталкер пристроил новенький лазерный армган, а в карманах ждали своего часа артефакт «Фрич» и дюжина плазменных гранат. Такой арсенал, если проявить немного ловкости и сноровки, мог превратить полсотни чугунков в груды металлолома за минуту. А если подключить еще и таланты «джинна», да хотя бы один талант – бойца-энергика, то управиться Леший мог и за тридцать секунд. Но... всему свое время. Сейчас сталкеру требовалось увести ботов как можно дальше от развалин поселка Борки.

Леший планировал заложить небольшой крюк и, обогнув с юга бывший райцентр Лебяжье, увести противника к берегу моря. Увести и уже там повеселиться. Хотя и вариант добраться до Комарова болота, что чавкало сочной трясинной западнее Борков, Лешего тоже устраивал. Главное – результат. Главное, чтобы чугунки не связали гибель механических бойцов с тем, что боты-патрульные обнаружили схрон, в котором осталась Лера и где хранился приличный стратегический запас всякого полезного хабара: от консервов до оружия. Чтобы машины, которые наверняка сейчас вырулили из Лубенского Городища и несутся по сигналу тревоги на выручку к своим железным братьям, забыли, хотя бы временно, что погоня за прытким сталкером началась в поселке. А для этого следовало показать, что обнаруженный железным патрулем человек заслуживает особого внимания.

И Леший сделал для этого практически все. Уничтожил десяток ботов на месте и увел оставшихся за собой. Хотя бы на время, чтобы дать Лере возможность собрать все необходимое для перебазирования.

Ну и, как выяснилось уже в Лебяжьем, чтобы спасти от биомехов горе-репортера. В том, что спасенный оказался репортером, Лешего убедила куртка с логотипом Первого всемирного канала (такая же была на погибшем операторе) и смутно знакомая внешность юноши. Смутно – как раз потому, что видел его Леший мельком и не вживую, а на экране. Ну а то, что он «горе», сталкер определил и так. Что еще может явиться в Зону без оружия, снаряги и хотя бы базовой подготовки? Только горе. Луковое. Или мясо. Пушечное.

«А все питерские, – подумалось сталкеру. – Проводники, мать их... Им лишь бы денег срубить. Молодые, наглые, напористые. Хотите в Зону? Не вопрос, проведем! Безопасность? Конечно, гарантируем! Назад вернем в лучшем виде! Только денежки извольте вперед. Нет, почему не верим, верим! И вам верим, и в свои силы верим... но деньги вперед, так у нас в Зоне принято. Всю сумму, и тогда по рукам. Идет? Вот и славно, вот и поехали. Вот и едут горе-туристы и прочие горемыки в один конец. Будь моя воля, давно прикрыл бы эту шарашкину контору».

Леший развернулся, пробежал сотню метров по краю оврага, до того места, где тот сужался, превращаясь в обычную трещину, и перепрыгнул на другую сторону. Сталкер пробежал еще сотню метров, спустился по скользкому откосу к воде, бесцеремонно бросил обмякшее тело спасенного парнишки на черный песок, подошел к морю, зачерпнул пригоршню слабосоленой балтийской водицы, вернулся и плеснул спасенному в лицо.

Помогла процедура не сразу. Еще минуту лопухий журналист валялся бревном, и только когда Леший встал, собираясь сходить за водой еще разок, парнишка шевельнулся и негромко застонал.

– О-о, – репортер открыл глаза, но еще какое-то время тупо пялился в хмурое небо. – Я... живой... да?

Он скосил глаза на Лешего.

– Более-менее, – сталкер вынул из кармана биоскан и направил на спасенного. – Восемьдесят процентов от нормы, но все показатели в зеленой зоне. Это значит, что переломов или внутреннего кровотечения нет. Сотрясение, ушибы... до свадьбы все заживет. Есть невеста?

– Что? – парнишка попытался сесть, и это ему удалось, правда, с третьей попытки.

– Не что, а кто, – Леший протянул репортеру руку. – Вставай. Чугунки близко. Надо топтать.

– А как я здесь... – репортер оглянулся. – А Кошкин где?

– Оператор? – уточнил Леший. – Нет его. Вставай, вставай...

– Как это... нет? – парнишка побледнел. – А что я в редакции скажу... в смысле... ну... куда он делся?

– Погиб, – Леший ухватил репортера за шиворот и рывком поставил на ноги.

Журналист ойкнул и поморщился.

– Осторожнее, пожалуйста, – прошипел он, хватаясь одной рукой за бок, а другой за шею. – Болит все!

– Это хорошо, – Леший одобрительно кивнул. – Боль – наш друг.

– Чего? – парень вытаращился на Лешего. – Какой еще друг?

– Единственный, – Леший указал стволом ИПП вдоль береговой линии. – Вон туда шагай. Перейдешь речку, что в море впадает, еще метров триста прямо и направо. Попадешь в Лоцманское. Там всего три дома уцелели... Ну, не совсем уцелели... хоть что-то от них осталось. Спрячься в крайнем слева, если от моря смотреть. Понял?

– Да, но...

– Тебя питерские сюда провели?

– Да, но...

– Вот им и звони. Они эту точку знают, заберут.

– Да, но...

– Ты зайкой сделался после сотрясения? – Леший усмехнулся. – Что «но», говори, только быстро.

– А вы не могли бы... со мной... я ведь без оружия и вообще...

– Оно мне надо? – сталкер склонил голову набок и смерил парнишку насмешливым взглядом. – Это ты у генерала Антоненко интервью брал, сразу после жестяной эпидемии?

– Да, но... – репортер густо покраснел.

– Я так и подумал, – Леший коротко рассмеялся. – Красиво он тебя «побрил», качественно. Ладно, пацан, не тушуйся. Вот тебе две гранаты... нет, три возьми, не жалко. А теперь беги со всех ног. За речкой сейчас должно быть чисто, все железо у меня на хвосте, как на магните, повисло.

– Я... могу заплатить! – Парень взял гранаты, но держал их в горсти, явно не зная, что с ними делать дальше. – Вы ведь сталкер? Проводник, если по-русски, ну, так проведите, в долгу не останусь.

– А ничего, соображаешь, – вновь одобрил Леший. – И хоть трусоват, но держишься. Это хорошо. Значит, выживешь. Топай, куда сказано. Некогда мне с тобой возиться.

– Я много заплачу! – почти взмолился репортер, цепляя Лешего за рукав.

– Тебя как зовут?

– Иван! Копейкин Иван.

– Ну вот, ты вроде бы русский человек, Ваня, а языка родного не понимаешь. Но это не вопрос, я могу и на импортном языке пояснить. Пошел аллюром, пока я пендельную тягу не включил! Ферштейн? Тогда гоу отсюда на хрен!

– Но я... не смогу! – пролепетал репортер. – Я номера не знаю... кому звонить и все такое. С питерскими Вася договаривался! Я в первый раз так далеко забрался без мандата... Помогите!

– Черт! – Леший сбросил маску бессердечного жженого сталкера. – Угораздило.

– Вы же хороший человек, – заметив перемену в выражении лица сталкера, продолжил давить на жалость Копейкин. – Пропаду я! Не губите!

Он уронил голову на грудь и затрясся от беззвучных рыданий.

– Сопли утри, – твердо приказал Леший. – Пойдешь за мной. Дистанция три метра. Отстанешь – твои проблемы. Понял меня, Иван Копейкин?

– Да, понял. А вас как зовут?

– Леший. Можно на «ты». Гранаты верни. Пистолет в руках держал?

– Да, но... такой... в зале симуляторов, – Иван мгновенно успокоился. – Он по весу как настоящий пороховой, даже отдача есть, но...

– Игрушечный, короче.

– Я еще в пейнтбол играл! Два раза!

– Точно угораздило, – Леший тяжело вздохнул и вытащил из кобуры запасной импульсник. – Прощай, оружие. Загубит тебя это... нечто лопухое. Вот, держи, пейнтболист, это «Страйк». Все, как у обычного пистолета. Здесь предохранитель, здесь спусковой крючок. Наводишь на цель, нажимаешь-отпускаешь. Все. Понял?

– Да...

– «Но»? – передразнил его Леший.

– Понял, – Копейкин кивнул.

– Тогда за мной! – Леший развернулся и побежал трусцой вдоль берега, но не к речке, а в сторону железнодорожной насыпи, по другую сторону от которой чернели развалины поселка Борки...

К удивлению Лешего, журналист не отстал ни на шаг, хотя бодрый темп ему давался явно тяжело. Парень то и дело спотыкался, а охал и стонал вообще на каждом шагу. Но в целом Копейкин держался и даже ни разу не упал. Лишь когда сталкер остановился перед входом в убежище и дал спутнику отмашку «привал», Копейкин протяжно выдохнул, расслабился и уселся на землю.

Леший спустился в подвал, окинул взглядом помещение и снова выбрался на свежий воздух. Выглядел он озадаченным и даже встревоженным. Это не ускользнуло от внимания репортера.

– Проблемы? – едва справившись с одышкой, спросил Копейкин.

– Вроде того, – Леший повертел головой. – Пусто.

– А должно быть?

– А должно быть... не пусто, – сталкер отвернулся и сосредоточился на вызове по прямой связи. Имелась такая опция у его нового импланта – прямая связь с одним-единственным абонентом, с Лерой.

Лера не ответила. Леший попытался дозвониться через обычную М-сеть, тоже вполне надежный канал связи в Зоне, но ответа так и не дождался. Это означало, что Лера либо очень далеко, либо на голову девушке надели нейтрализатор – есть такие штучки, блокирующие работу имплантов-коммуникаторов. Именно это предположение и встревожило Лешего. В бункере он не заметил ничего странного. Два больших рюкзака с необходимыми вещами и оружием стояли у входа. То есть Лера подготовилась к перебазированию и только ждала, когда вернется сталкер. Ни признаков того, что Леру атаквали биомехи, ни следов борьбы с людьми Леший не заметил. Тем не менее Лера исчезла и не выходила на связь.

Имелся еще один вариант: девушка решила, что наступил удобный момент расстаться с Лешим, но вряд ли она смалодушничала и ушла по-английски, не попрощавшись. Не такой у нее характер. Вздумай Лера уйти, она сказала бы Лешему. Да и вещички прихватила бы.

– Здесь тебя кто-то ждал? – Копейкин, наконец, нашел в себе силы подняться, на негнущихся ногах спустился по лестнице и заглянул в бункер. – Ого, какие рюкзаки! Вы куда-то собирались?

– Нос, – буркнул Леший.

– Не понял, – репортер удивленно взглянул на сталкера.

– Не суй свой нос, куда не просят, – Леший снова спустился в подвал, поднял один из рюкзаков и закинул на плечо. – Бери второй мешок.

– Я? – Копейкин недоверчиво посмотрел на Лешего. – А-а, ну да. Конечно. Я помогу.

Он ухватился за лямки, но даже не сумел оторвать рюкзак от пола. Леший покачал головой и жестом приказал репортеру развернуться. Когда Копейкин подставил спину, Леший закинул рюкзак ему на плечи, но едва убрал руки, репортер завалился навзничь.

– Твою мать, – процедил сквозь зубы Леший. – Никакой пользы от тебя.

– Я сейчас! – Копейкин смешно подергал ногами, попытался встать, но так и остался лежать, словно перевернутая черепаха.

Леший скинул свой рюкзак на пол и направился к задернутой брезентом нише в стене. За шторкой скрывались полки, на которых хранилось всевозможное барахло, имеющее ценность второго порядка. То есть, будь времени на перебазирование чуть больше, рейса на два или три, Лера упаковала бы и эти пожитки, но в связи с цейтнотом их пришлось бросить. Нашелся среди барахла и вполне исправный боевой сервокостюм. Правда, женский, с измененной формой бронепластин на груди и другим расположением ширинки.

Леший бросил костюм Копейкину.

– Надевай! Да быстро, времени в обрез!

– Это что? – Репортер кое-как выбрался из капкана лямок, сел на рюкзак и расправил костюм. – Это что... настоящая броня?! Ух ты! А сервоусилители в ней есть?

– Надевай или останешься тут один, – Леший снова закинул свой рюкзак на плечо.

– Я мигом! – Копейкин сбросил куртку и начал лихорадочно натягивать комбинезон. При этом тараторил без умолку, будто прорвало человека: – Здорово! Всегда мечтал такой примерить! Ух, сколько тут карманов. А он сам по фигуре подгонится, да? А к импланту он подключится? Вот здесь кобура, да? Класс! Точно для «Страйка»! О, зажужжало что-то. Смотрите, он сжимается. Это он по фигуре трансформируется? Чумовая техника! Готово, да?

Копейкин бодро вскочил, пару раз подпрыгнул, приложился макушкой к потолку, потер ушибленное место и расплылся в радостной улыбке.

– Я готов! Как выгляжу?

– Сисек не хватает, – Леший окинул спутника скептическим взглядом. – Капюшон надень и маску застегни.

– Ага, – Копейкин торопливо выполнил приказ. – Теперь нормально?

– Нормально, – Леший кивнул. – Только учти, если по нужде пойдешь, «молнию» надо ниже искать. Хватай баул, погнали!

– Ой! – Копейкин вдруг замер. – Вы сказали, и мне сразу захотелось... ну, это... по нужде. Я давно хотел, но...

– О, господи! – Леший поднял взгляд к потолку. – Свалился на мою голову. Одна минута тебе!

– Я успею! – Копейкин склонился и начал шарить в поисках «молнии».

– Ну не здесь же, – Леший толкнул репортера в спину. – Наверх!

– Да, да, извините, – смущенно пробормотал Копейкин и ринулся к лестнице.

– Рюкзак!

– Ах, да, – парень вернулся, схватил рюкзак и снова ринулся наверх. – Извините!

Леший выбрался из бункера не так быстро. Когда он поднялся до середины лестницы, на его имплант вдруг поступил вызов. Не от Леры, как надеялся сталкер, но ситуация по завершении сеанса связи все-таки более-менее прояснилась. Звонил Каспер.

– Буду краток, – заявил посредник каким-то странным, будто бы синтезированным голосом. – У меня для тебя послание.

– Дай угадаю, от кого, – Леший усмехнулся. – От Черного Лиса?

– Да, Леший. Пора отрабатывать должок.

– Где Лера?

– В смысле?

– Она куда-то пропала. И я уверен, что ее исчезновение и твое послание – звенья одной цепи.

– А ты стал догадливым. Просто Шерлок Холмс.

– Не знаю, кто это, но ты угадал. Я теперь догадливый, хоть в сыщики нанимайся.

– О чем я и говорю. Твоя Лера у мафии. В качестве залога.

– Скотина ты все-таки, Каспер!

– А я тут при чем?

– В качестве заложницы, а не залога, посредник. Она человек, а не вещь. Хотя для тебя люди и вещи, по-моему, всегда имели одинаковую ценность. Вещи даже ценнее, если вспомнить, какие ты носишь часики.

– Остынь, оскорбления не пойдут на пользу делу.

– Остыть? – Леший нахмурился. – А скажи мне, посредник, как мафия нас отыскала? Уж не ты ли помог?

– Нет, я не помогал, – без интонаций ответил Каспер. – Ты сам засветил убежище. Еще три дня назад, когда вернулся из Академа. Я ведь советовал тебе, Леший, уйди на дно, затаись. Но ты не послушал доброго совета, решил повыпендриваться. Какого черта ты делал в Академе и в Москве? Кто заставлял тебя светиться, вмешиваясь в разборки питерских? Популярность вскружила голову, решил упрочить авторитет?

– Короче, воспитатель, – Леший нахмурился еще сильнее. – Как мне вытащить Леру?

– Никак, – твердо заявил посредник. – Выполнишь задание, ее отпустят.

– Я не верю мафии! Я должен отыскать Леру!

– Остынь, еще раз тебе говорю. Искать ее бесполезно. К тому же не воображай, что ты действительно всемогущий. Обещаю, что буду искать ее по своим каналам, но ты в это время должен будешь выполнять задание синдиката. Иначе Лере не поздоровится. Один шаг в сторону – и тебе пришлют ее пальчик, два шага – голову. Я доступно выражаюсь?

– Ты выражаешься, будто сам мафиози, – пробурчал Леший. – Ты гарантируешь, что с ней ничего не случится?

– Будешь паинькой, гарантирую.

– Вот ведь суки вы все, деловые! – Леший скрипнул зубами. – Ладно, посредник, давай вводную. В чем суть задания? Только внятно.

– Изволь. Мафия ищет способ перемещать между локациями серьезные грузы, но не будешь же въезжать в тамбур на карьерных самосвалах или автопоездах. И рельсы не проложишь. Что остается?

– Вода, – не задумываясь, ответил Леший.

– Снова удивляешь, – признался Каспер. – Так думает и синдикат. Есть версия, что глубоко под землей существует водная сеть, по которой перемещаются гидромехи, вплоть до самых крупных, вроде Технокракена. Если найдешь хотя бы одну точку доступа к водному тамбуру, ты свободен от обязательств. Дальше тему будут разрабатывать непосредственно люди мафии. Все просто.

– Ну да, проще некуда, – сталкер усмехнулся. – Не пойму только, почему я?

– А кто?

– Логично, – Леший снова невесело усмехнулся. – Я слышал, Технокракена видели в Академе и даже в Москве. Значит, водные тамбуры соединяют не только морские локации. Из чего следует вопрос: через метро добраться не пробовали?

– Не получилось. В Новосибирске метро неглубокое, и почти все тоннели завалены. В Москве тоннели более-менее проходимы, но метро, наоборот, слишком глубокое и разветвленное, плюс – насыщенное тварями. Все разведгруппы либо заблудились, либо были уничтожены биомехами. Синдикат считает, что лучше поискать точку доступа в морских локациях.

– Ну да, сесть в подлодку и проплыть вдоль берегов? – Леший помотал головой. – Сожрут сразу! Ты видел, какие гидроботы в последнее время завелись в морях? Киты! Скоро Технокракена переплюнут.

– Согласен, – Каспер секунду помедлил. – И подлодку тебе никто не доверит.

– Вот спасибо! Что же мне тогда, с аквалангом нырять?

– Решай сам, Леший. Можешь нырять, можешь арендовать катер у вольных или украсть у военных, как ты когда-то поступил с вертушкой, помнишь? А можешь и вовсе оседлать гидромеха. Технические детали – твои проблемы. Я только передаю требования заказчика, а как ты будешь выполнять задание, решай сам.

– Скотина дважды, – пробурчал сталкер. – Между прочим, долг висит на нас троих, включая тебя.

– Я помню и не отказываюсь от своей доли ответственности. Поэтому я найду Леру и буду ее страховать.

– Ну конечно! Страховать! Полис на нее оформишь? Страховщик, блин! Ладно, вопрос на десерт. Почему мафия уверена в существовании водного пути через тамбуры? Военные, например, считают, что Технокракен существует в пяти экземплярах, потому его и видят во всех локациях. Синдикат наслушался проповедей Командора?

– Скорее насмотрелся, – Каспер сбросил на имплант Лешему короткую видеозапись. – Снято со спутника. Занятное кино. Обрати внимание на хронометраж.

Запись оказалась действительно интересной. Со спутника был снят фрагмент акватории Финского залива примерно в миле от берега. А если точнее, был заснят здоровенный гидробот, бороздящий эту самую акваторию. Увеличение получилось очень даже серьезное, а качество картинки приличное. На корпусе гидробота, который внешне напоминал среднюю подлодку, только без боевой рубки и с вычурными плавниками по бокам корпуса, виднелись все шипы и наросты, вплоть до самых мелких. Но в кадр попал не Технокракен. Водоплавающий чугунок, хоть и казался огромным, имел габариты примерно втрое меньше Императора гидроботов.

Механическая тварь двигалась в надводном положении со стороны Городища Остров, что располагалось на отмели Прижимова банка, в сторону мыса Серая Лошадь. Шел гидробот, или, как правильно называть водных чугунок такого размера, гидромех, неспешно, узлов двадцать, и в целом выглядел вполне мирным крокодилом-переростком, который решил поплавать от скуки и для лучшего усвоения пищи. Так продолжалось примерно десять секунд. А затем гидромех вдруг резко нырнул на максимальную глубину, взмахом огромных плавников поднял со дна тучу ила и песка и скрылся в этой маскировочной завесе. Камера взяла общий план, но гидромех исчез без следа. На передний план выползли цифры 13.06.2057, 12:34.

Далее картинка сменилась, и в кадре появились знакомые очертания мыса Казантип и акватория Арабатского залива Азовского моря. Съемка велась не со спутника, оператор находился на борту вертушки, которая рискованно барражировала на небольшой высоте в опасной близости от грозового фронта. Секунд десять ничего особенного не происходило, а затем из неведомых глубин на поверхность вдруг всплыл уже знакомый зрителю гидромех. В том, что это та же самая железка, не позволял усомниться компьютерный анализ. Совпадение примет получилось стопроцентным. Гидромех ненадолго будто бы завис, не включая винты и не двигая ни хвостом, ни плавниками, а затем встрепенулся, врубил тягу и уверенно пошел на юг, в сторону Уваровского пролива, который образовался после Катастрофы и соединил Азовское и Черное моря, а заодно превратил Керченский полуостров в остров. Оператор держал гидромеха в фокусе до тех пор, пока тот не исчез в накрывшем пролив тумане. Последним кадром стал все тот же хронометраж: 13.06.2057, 12:35.

– Путь есть, – после секундной паузы признал Леший. – Только все равно непонятно, как его найти.

– Думаю, надо сделать первый шаг – выдвинуться к мысу Серая Лошадь и понаблюдать за акваторией. А там будет видно.

– Какой ценный совет! – сталкер поморщился. – Одна проблема: чугунок нырнул поблизости от Лошади, а наземный тамбур расположен в Андерсенграде. Получается, водная и наземная части тамбура разнесены на семь километров? Как такое возможно?

– Он мог нырнуть для маскировки.

– Мог! – Леший возмущенно фыркнул, но тут же продолжил более спокойно: – Мог. И в Тихой бухте мог нырнуть, и в Батарейной мог, а нырнул почему-то в Графской Лахте. Еще записи имеются? В одном месте все транзитные чугуны ныряют или в разных?

– Других записей у меня нет. Ныряют гидромехи где угодно, выныривают тоже, но отследить, как железка нырнула в Балтийском море, а вынырнула в Азовском, удалось лишь однажды. Собственно, это и стало поводом, чтобы начать операцию.

– Откуда ты знаешь, что именно стало поводом? – Леший с подозрением прищурился.

– Я так считаю, – торопливо ответил Каспер.

– А может, ты все-таки с ними заодно?

– Утомил, – спокойно ответил Каспер. – Думай что хочешь. Берешься за дело?

– А куда мне деваться? – Леший вздохнул. – Берусь. Еще что-то есть?

– Больше ничего. Разве что от себя. Думаю, за тобой будут следить наемники.

– Надо же, удивил! Сам додумался? Ищи Леру, посредник. Хоть один волос с ее головы – и все, считай, ты в одной могиле с боссами синдиката.

– Боюсь, – сказал посредник абсолютно без интонаций и вырубил связь.

Леший какое-то время стоял, глядя в сторону моря, словно пытаясь разглядеть упомянутых выше гидромехов, затем усмехнулся и рубанул ладонью воздух, жестом подтверждая свои умозаключения.

– Правильно, бойся меня, – негромко пробормотал Леший. – Не знаю, кто ты на самом деле, посредник, но бойся.

Сталкер оглянулся и поискал взглядом репортера. Копейкин переминался с ноги на ногу за обломком стены в десяти метрах слева. Закончил он свои дела или нет, сталкер не понял. Леший опять вздохнул и покачал головой. Этот балласт никак не вписывался в рамки новых обстоятельств, но не бросать же человека на произвол судьбы. Это для Каспера люди – вещи. Нужны – воспользовался, мешают – бросил. Леший так поступить не мог. Хотел бы, но не мог. И один бог знает почему.

* * *

Копейкин вжикнул неудобной, от низа гюльфика и почти до копчика, «молнией» штанов, но прежде, чем приступить к процессу, сунул руку в карман и достал небольшой футляр для хранения контактных линз. То есть для хранения видеокамеры. Ведь просто линзы или, того хуже, очки никто уже давно не носил. Зачем, если есть генная коррекция слабого зрения и вообще всех возможных проблем со здоровьем? Но контейнеры с производства никто не снял, онигодились для хранения любительских видеокамер. В отличие от камер профессиональных, выполненных в виде защитных очков (как та, что была у Кошкина) и способных работать автономно, либо устройств, считывающих информацию с оптических нервов людей (эта опция включалась в список функций только очень дорогих имплантов), камеры-линзы не обеспечивали стопроцентного качества картинки и чаще всего не имели собственных объемов памяти. Они либо сохраняли картинку в памяти импланта оператора-любителя, либо сразу сбрасывали запись через сеть в память удаленного компьютера, чтобы не забивать лишней информацией импланты владельцев. Зато такие камеры считались удобными и надежными.

Репортер осторожно достал одну линзу, но не совладал с дрожью в руках, после контузии она никак не желала исчезать, и уронил крошечный прозрачный кругляшок на землю. Точнее, в густую поросль автон-травы. Искать потерю не имело смысла, поэтому Иван надел оставшуюся линзу (хотя слово «надел» с трудом подходит к процедуре) и спрятал контейнер обратно в карман. Стереокартинка была бы лучше, но и «плоская» гарантировала Копейкину неплохой левый заработок. Часто ли удается снять репортаж (в любом качестве) о самом настоящем рейде по центру питерской локации? Нет, любительских роликов в сети немало, но профессиональных... хорошо, полупрофессиональных... почти нет. Да к тому же тут такая интрига намечается! Целый фильм можно снять! Уже и заставка вырисовывается: «Зона Смерти, балтийский излом. Фильм Ивана Копейкина. Скоро на Первом!» У репортера приятно екнуло под ложечкой. Прямо-таки звездный час замаячил в туманной перспективе.

Камера мгновенно подключилась к импланту, а в следующее мгновение имплант установил М-связь и «нащупал» в сети нужный компьютер. Именно в его память теперь закачивалась вся информация, снятая камерой Копейкина, а уже оттуда она теоретически могла раздаваться всем на свете.

Иван мысленно приказал повременить с «раздачей». Сначала репортаж уйдет в родную редакцию. Эксклюзив – значит, эксклюзив. Иван Копейкин всегда был верен своим работодателям. Ведь Первому всемирному приятно хранить верность. Да и выгодно, что уж скрывать. И потом, кое-что надо будет вырезать. Например, сцену, в которой репортер Копейкин справляет малую нужду. В современном кинематографе такие сцены норма, но там ведь дублеры, крупный во всех смыслах план... Короче – вырезать!

Иван закончил, снова вжикнул «молнией», одернул куртку, которая почему-то все равно топорщилась на груди, и вернулся к Лешему.

– В следующий раз памперс надевай, если терпеть не умеешь, – с усмешкой посоветовал сталкер. – Зараза тут, знаешь, какая коварная? Прицепится к болту, устанешь стабилизировать. Да и если стабилизируешь, мало удовольствия при каждом шаге медным хозяйством греметь.

– Я ведь... там чисто, автонов нет...

– Автонов нет, – согласился сталкер, – а зараза есть. Она везде есть, как микробы. Или как балбесы, вроде тебя. Шагай вперед. Курс на Серую Лошадь.

– На что?

– На мыс! – Леший поморщился. – Короче, просто топай вдоль берега. Ходок, блин. Погнали!

* * *

Изображение раздвоилось, но обе части стереокамеры продолжали работать. Черный Лис взмахом руки сформировал два интерактивных окна и с интересом изучил обе картинки. На одной, мерно покачиваясь в такт шагам оператора, проплывал унылый пейзаж балтийского побережья. Во втором окне изображение оставалось стабильным. Внизу торчали жестяные иглы и лепестки автон-травы, чуть выше и немного дальше виднелись руины какой-то хибары, а еще выше серело облачное небо. Объединяло картинку лишь одно – обе закачивались на редакционный компьютер Первого всемирного мультимедийного агентства в раздел «И. А. Копейкин, черновые файлы».

Черный Лис усмехнулся и мысленно поздравил себя с очередной маленькой победой логики над неопределенностью. Он сделал правильный выбор, подключившись к редакционной сети. Журналист и в Зоне Смерти остается журналистом. Прежде всего репортаж, сенсация, а уж после спасение и прочие мелочи.

Изображение номер два постепенно становилось все темнее – без подпитки от операторского импланта заряд утерянной Копейкиным части камеры стремительно истощался. Черный Лис собрался закрыть ненужное окно, однако, повинуясь какому-то интуитивному посылу, не стал этого делать и не прогадал. В кадре обозначилось некое движение.

Черный Лис приказал компьютеру обработать изображение, и техника прорисовала очертания человека. Поначалу Лис не понял, кто это, разглядел только, что именно человек, а не биомех. Но компьютер постарался и обработал картинку еще на раз.

– Ба, знакомые все лица, – проронил негромко Черный Лис. – Посредник Каспер. Я уже и не надеялся вас найти. Очень удачно, что вы засветились.

Каспер на миг исчез, затем снова появился в кадре, и теперь план стал крупнее. Посредник замер, озираясь, а затем уставился в сторону моря и что-то пробормотал. Скорее всего, вызвал абонента по М-связи. Черный Лис прибавил громкости.

– Я опоздал, – сообщил кому-то Каспер. – Да, я попытался найти его через спутник, но сейчас это невозможно, нет связи... Да, да, спутниковой связи. А чему ты удивляешься, это Зона... Следы есть. Ушел по берегу на запад... Да, с ним еще кто-то... Не знаю, может быть, контролер из синдиката, а может, просто попутчик. Я не видел. Следы двух пар ботинок... Хорошо, постараюсь... Не дави, сам знаю, что виноват, но я не мог дозвониться, чтобы предупредить! Кто-то блокировал их коммуникаторы... Я не знаю, кто на такое способен. Защиту имплантов Лешего и Леры теоретически невозможно взломать, но кто-то это сделал, причем дважды... Нет, не думаю, что это сделал он сам, но он все организовал. Я и предположить не мог, что Лис сделает такой сильный ход!.. Хорошо, иду.

Каспер исчез с экрана, а спустя несколько секунд обесточенная камера выключилась. Черный Лис закрыл потемневшее окно и удовлетворенно хмыкнул. Приятно, когда тебя хвалят. Тем более когда твой ход называют сильным не только друзья, но и враги.

– Ты еще не знаешь, Каспер, какой ход был вторым, – пробормотал Черный Лис. – Синтезировать твой голос было несложно, а вот подобрать интонации и слова... но я справился. Леший поверил мне. А сейчас я сделаю еще один ход, посредник, самый сильный.

Черный Лис временно свернул окно картинку с оставшейся камеры Копейкина и вызвал очередного абонента.

- Слушаю, – хриплым голосом откликнулся командир наемников.
- По следам Лешего идет Каспер, посредник из Академа.
- Вижу. Убрать?
- Нет, Сврд, не надо. При удобном случае свяжи, заблокируй имплант и передай посредника Якуту. Он знает, куда доставить этого господина.
- Понял.
- Конец связи, – Черный Лис отключил коммуникатор, снова открыл окно с изображением с камеры Копейкина и задумчиво уставился в объемный экран. – Вот так-то, посредник Каспер. Сильных ходов у нас припасено много. Очень много. Вы и представить не можете, сколько.

Глава 2

Зона, локация Крым, 15.06.2057 г.

Крымская локация Зоны Смерти – место по-своему уникальное. Дело, во-первых, в расположении, ведь только крымская часть Зоны, по местоположению тамбура коротко именуемая Казантипом, находится на острове.

Да, раньше, до Катастрофы, эта местность называлось Керченским полуостровом, украшением которого являлись такие жемчужины, как Феодосия и Керчь. В те времена здесь был прекрасный климат, по пляжам толпами слонялись туристы, а на берегах Феодосийского залива Черного моря и Арабатского залива Азова стояли самые красивые в Крыму домики, отели и развлекательные заведения. Но после того как в 2051-м грянул оглушительный сентябрьский гром, все изменилось. Катастрофа не только переиначила ландшафт полуострова, она существенно углубила морское дно и пропахала глубокую кривую борозду от черноморского поселка Приморский до Азова.

Образовавшийся разлом поглотил поселки Батальное и Уварово, чудом не обрушил в море Семисотку, а Калиновку превратил в этакий «срез цивилизации». Поселок оказался разрезанным надвое, причем так, словно срез делали бритвой. Неведомая сила раскроила несколько домов по вертикали, да так аккуратно, что в одном из них, поговаривали, сохранились предметы интерьера, тоже раскроенные по вертикали с аккуратностью микротома.

Но поселенцы-сталкеры, вновь освоившие мертвые территории, назвали образовавшийся пролив между морями Уваровским, поскольку именно поблизости от поселка Уварово уцелел единственный на всю локацию дорожный указатель. Так часто бывает. Посмотрели люди вокруг, увидели табличку и лягнули первое, что пришло в голову. О, пролив! О, указатель – до Уварова километр. В реалиях новой географии – километр прямо и триста метров в глубину. Ну, значит, Уваровский пролив.

Помимо пролива новой достопримечательностью локации стал и Феодосийский залив. Кроме того, что он теперь соединился с Азовским морем, он существенно расширился, на западе до Насыпного и Владиславовки, а на востоке почти до Вулкановки. Но самое интересное место залива, его жемчужина, по-прежнему находилось в районе Феодосии. Только теперь от города остались обгорелые руины (за исключением на удивление целого центра), которые уныло чернели на острове, возникшем в юго-западной части залива.

По площади новый Феодосийский остров получился небольшим, немногим больше, чем сам мертвый город, зато возвышался над уровнем моря на добрые тридцать метров. Почти все берега острова превратились в оплавленные гладкие скалы. Очень твердые и скользкие. Так выглядели почти все берега, кроме Новой бухты – километрового участка побережья на южной оконечности острова, где теперь располагалась база ВМС Барьерной армии.

Чем еще прославилась Крымская локация, так это погодой. Дождь шел в Зоне Смерти непрерывно и везде, факт малопонятный метеорологам, но известный всем обитателям, однако только в Крыму люди забыли, какого цвета нормальное небо и как выглядит Луна. Облачность, которая хотя бы раз в году давала передышку другим локациям, здесь являлась чем-то неизменным. Земля и море, воздух и облака – вот все, чем могла похвастаться эта местность. И еще грозами. Ежедневными, круглогодичными, мощными, беспощадными.

Грозы грохотали над островами и обоими морями, превращая дни в ночи, а ночи в бесконечные мерцающие шоу. Лишь изредка грозовые фронты расходились к периферии, оставляя над центром только серую облачность, и тогда локацию накрывал густой туман, что в некотором смысле еще хуже. А зимой вместо дождя частенько начинал сыпать снег. Но если Новосибирск зимой просто утонул в снегах, на Керченском острове аномальные капризы погоды

выглядели более зловеще. Чудовищные перепады температур, иногда на сорок градусов в течение суток, то превращали крымские острова в огромные ледяные замки, то вновь разводили непроходимую слякоть, а ураганный ветер с ледяными зарядами мог запросто изрешетить технику или людей. Так что покой обитателям Керченского и Феодосийского островов даже не снился ни зимой ни летом, ни ночью ни днем.

Вот так здесь и жили. Когда грохотало, ждали затишья. Когда наступало затишье, бродили, чертыхаясь, в тумане и молили всемогущий Узел, чтобы он послал грозу, которая разгонит проклятую молочную завесу, в которой не видно даже пальцев вытянутой руки. Почему молили Узел? Это третья уникальная особенность локации.

Только в Крыму сформировался настолько стабильный и однородный состав населения. Практически всю сушу в пределах Барьера (кроме Феодосийского острова) контролировала незаконная вооруженная группировка – Орден Священного Узла. Нет, изредка здесь появлялись вольные ходоки, иногда забредали даже целые группы, а со стороны Керчи сквозь Барьер то и дело проходила разведка Барьерной армии (главный штаб Крымской бригады базировался в приграничной Тамани, а силы быстрого реагирования квартировали в Керчи, вплотную к Барьеру), у военных даже имелась своя тропа к тамбуру локации. Узловики о ней знали, но никого из идущих по этой тропе не трогали. Официальных документов о статусе тропы не существовало, но стороны соблюдали нечто вроде джентльменского соглашения. У Ордена имелся водный путь через Арабатский залив от побережья Сиваша до причалов поселка Мысовой, а в распоряжении военных оставалась тропа от берега, из бухты Широкой к Щелкинскому тамбуру. Кроме того, военные закрепили за собой небольшую часть наполовину обвалившихся катакомб, которыми издавна славилась эта местность. Но реально контролировали Керченский остров исключительно узловики.

А вот акваторию и остров Феодосия контролировали силы Черноморской и Азовской эскадр Крымской Барьерной флотилии. Правда, толку от их контроля было мало. Морским путем в локацию люди прибывали до 2055 года, когда на Большой земле Зона еще считалась местом романтическим и загадочным. В те времена в народных массах, особенно в европейских, бушевал нездоровый энтузиазм по поводу Зоны и культивировалась брутальная сталкерская эстетика. Но к началу 2056 года, когда народ разобрался, что такое Зона и с чем ее едят, ажиотаж сошел на нет, и транспортов с добровольцами стало на порядок меньше, чем за год до этого. А после Большой зачистки, в которой погибло немало бывших переселенцев из Европы, поток энтузиастов вовсе иссяк. Так что морским силам Барьерной армии оставалось лишь нести пограничную службу да отстреливать наиболее опасных гидроботов. Тем не менее факт оставался фактом. Акватория оставалась под контролем военных, а остров Феодосия служил базой флотилии внутри локации.

Вот по этим трем пунктам Крым и отличался от прочих локаций Зоны. А в остальном... Чугунков здесь встречалось не меньше, а жестяной растительности, возможно, даже больше, чем везде. Слякоти, развалин и уныния хватало, как и в прочих локациях. Целых два моря – таким богатством не могла похвастаться даже локация Сосновый Бор с ее Финским заливом, – но что толку от морей, если в них опасно даже умываться?

Нет, пожалуй, имелось еще одно отличие. На оплавленном, а потому гладком, будто его покрыли слоем стекла, острове Феодосия не водились биомехи. Вообще. И скорги не водились. И автоны не росли. «Зараза» имелась, куда без нее, но зацепиться, покрыть «стеклянные» скалы жестяной плесенью или прорасти автонами наноботам никак не удавалось.

Наверное, дело в том, что техносу на острове не хватало энергетической подпитки. С энергополями на Феодосии как-то не складывалось. В центре, там, где сохранился красивый архитектурный ансамбль городской администрации, слабенькое энергополе имелось, моряки с базы приносили туда трофейные аккумуляторы на подзарядку, но и в этом месте концентрация техноса оставалась практически нулевой. Кое-где встречались пятна жестяной плесени,

витала ржавая пыль, торчали хилые металлические травинки, но это все, на что хватало сил вездесущего техноса.

Неудивительно, что именно Феодосия стала своего рода Зональным курортом, на который мечтали попасть все органические обитатели пятиземелья, утомленные бесконечной борьбой за выживание.

Хрен с ними, с грозами, плевать, что голые скользкие скалы, главное – душевный покой! Не за этим ли испокон веков люди съезжались в Крым со всей великой страны? Здесь они лечили именно душу, а не тело. Ведь море есть и в других местах, а такого покоя и особой душевной «энергетики» нет нигде, кроме Крыма.

Катастрофа изменила многое, в том числе и здесь, но не смогла изменить главного: не отняла у Крыма этой вот задушевности.

Наверное, со стороны это выглядело глупо – мечтать о голом, остекленевшем куске скалы, торчащей посреди моря. Но пойдите, скажите это застрявшим в Зоне военным, сталкерам или другим людям. Пойдите, пойдите. Только прихватите с собой свинцовые примочки для расквашенного носа и подбитых глаз.

Каждый человек живет по своим понятиям и в своем мире. Кто-то живет на десять тысяч евро в сутки, и в его мире есть Куршавель. А кто-то рядом, буквально в соседнем доме, в старой части деревни Жуковки, едва сводит концы с концами, и его мир ограничен Барьером на сто первом километре. Для второго и подмосковный пансионат предел мечтаний.

Так и Феодосия. Для любого жителя Зоны Смерти это слово значило очень много. Этот голый клочок суши для сталкеров стал почти синонимом рая. Без куц и амброзии, зато можно расслабиться. Оазис в пустыне. Русская баня в Заполярье. Кислородный купол на Марсе. Рай в аду...

...Сегодня утром в «адском раю» стоял туман. Не такой густой, как бывало зимой, но достаточный, чтобы видеть не дальше чем на четверть кабельтова. В принципе, от буя на входе в бухту до причалов по дну шел ведущий кабель, по которому с помощью аппаратуры АВК можно легко идти и в тумане, но накануне кабель перерезали гидроботы и восстановить его никто не успел. Пришлось воспользоваться услугами лоцмана.

Воспользовались, но и это не помогло. Лоцман старался изо всех сил, подключил к делу всю аппаратуру и весь свой опыт, но туман сгущался, эфир забили помехи, огромные косяки любопытных гидроботов навешали вокруг ложных целей, которые делали невозможной нормальную эхолокацию, а спутниковая навигация в этих местах не работала отродясь. Короче, проводку пришлось прекратить.

Корабли встали на якоря прямо посреди Новой бухты и занялись устранением хотя бы части проблем. В первую очередь – очисткой акватории от гидроботов. Были задействованы все средства: от противодиверсионной гидроакустической станции МГ-77 до старых, но надежных семиствольных гранатометов «МРГ-1», глубинных бомб «РБГ-101» и даже до обычных глубинных гранат, которые со шкафутов швыряли матросы. Ситуация немного улучшилась, но очистка акватории от избытка гидроботов никак не повлияла на густоту тумана, так что сойти на берег экипажам светило не раньше завтрашнего утра.

Нельзя сказать, что этот факт сильно огорчил экипажи, плюс-минус десять часов, не принципиально. Да и не такое уж великое удовольствие фланировать в темноте и тумане по скользким «стеклянным» скалам. Но если положить руку на сердце, после долгого перехода с Тихого океана морякам хотелось ощутить под ногами хоть какую-то твердь.

А еще им хотелось хотя бы на миг оказаться в безопасности. Просто перевести дух. Ведь пока они оставались на борту, ни о какой безопасности речь идти не могла. Это моряки поняли сразу, как только корабли прошли сквозь Барьер. Даже раньше.

Они поняли это, когда две неизвестные подлодки (по классификации местных – два гидромеха) атаковали флагман оперативной эскадры БПК «Архангел Михаил» ракетоторпедами

прямо сквозь Барьер с дистанции в полторы мили. Эсминец «Хабаровск» сумел отразить атаку, уничтожил ракеты залпом из РБУ, но нанести ответный удар не сумел ни «Хабаровск», ни подлодки из конвоя оперативной эскадры. Гидромехи ушли на глубину, развернулись и умотали куда-то в сторону Уваровского пролива. Они будто бы просто предупредили флотскую группу: «Мы знаем, что вы пришли, мы вам не рады, у нас есть оружие против вас». Предупредили и ушли.

Зачем предупреждали? А пойми эти машины. У них ведь своя логика. Вроде бы человеческая, ведь изначально их строили и программировали люди, но теперь уже своя, малопонятная всем, кроме самых продвинутых технарей.

Командир спецгруппы отряда морской пехоты майор Бойков спустился по узкому трапу на нижнюю палубу и быстрым шагом направился к отсеку «2Б», в котором, как выяснилось, проводилась летучка. Почему потребовалось собирать совещание именно в этом отсеке, почему оно вообще проводилось не на флагмане или на борту одного из крейсеров флотской группы, а здесь, на второй палубе ремонтно-заправочной плавбазы «Инженер Овчинников», Бойков не понимал. Даже с учетом того, что корабли находились в зоне боевых действий, подстраховка начальства казалась неуместной. Вряд ли эти тупые железки – гидромехи – стали бы атаковать флагман повторно. Все-таки не открытое море, а бухта, оборудованная по всем правилам фортификации, защищенная новейшими системами обороны, к тому же полная кораблей. И подступы к бухте охраняли многочисленные малые подлодки. Никакому крупному чугунку не прорваться. Но командование решило, что стоит подстраховаться. Что ж, на то оно и командование, чтобы принимать решения. А подчиненные должны эти решения выполнять, а не обсуждать.

Майор проехался по поручням еще одного трапа и, наконец, очутился у переборки отсека «2Б». Створка отъехала в сторону, майор вошел и замер у порога. Прежде чем сделать следующий шаг, ему следовало попросить разрешения войти и представиться.

Совещание, как выяснилось, собрал не командир оперативной эскадры ТОФ, прибывшей на усиление Крымской флотилии Барьерной армии, а сам командующий Крымской бригадой и временно исполняющий обязанности командующего всей Барьерной армией вице-адмирал Колесник. Видимо, время поджимало, и адмирал не стал дожидаться, когда разойдется туман и корабли ошвартуются у причалов Феодосийской базы. Прибыл, как та гора к Магомеду, лично. И майор Бойков догадывался, почему на «Овчинникова». Ведь именно в трюмах этого мастодонта хранились новейшие образцы техники и вооружений, ради боевых испытаний которых, собственно, и совершили свой дальний поход тихоокеанские корабли. Скорее всего, после совещания Колесник намеревался их осмотреть. Или уже осмотрел и теперь собрал совещание по результатам знакомства с образцами.

– Разрешите?

В сторону Бойкова обернулся командир тихоокеанской эскадры «кап-раз» Еременко. Он махнул майору и что-то негромко сказал адмиралу Колеснику. Адмирал кивнул и жестом подозвал Бойкова:

– Подойдите, майор.

– Господин вице-адмирал, командир специальной группы отдельного отряда морской пехоты майор Бойков по вашему приказанию прибыл!

– Отставить формальности, – адмирал махнул рукой, – здесь у нас все просто. Пока стой и внимательно слушай, майор. Александр Иванович, продолжим. Итак, что мы имеем в усилении?

– В состав моей группы входят пять кораблей первого ранга: флагман – атомный противолодочный крейсер «Архангел Михаил», БДК «Адмирал флота Орлов», борт 024, БПК «Космонавт Прошкин», борт 280, эсминцы «Хабаровск» и «Уссурийск». Вспомогательное судно –

новейшая ремонтно-заправочная плавбаза «Инженер Овчинников». В охранении дивизион из шести малых атомных подлодок проекта 2312 «Барракуда».

– Неплохо, – Колесник кивнул. – Хотя в новых условиях существенным усилением это не назвать. Противник, как выяснилось, только в Крымской локации Зоны имеет флот, вчетверо превышающий наш, даже с учетом вашего усиления. Но самое главное, противник способен мгновенно перебросить резервы с Балтики.

– Мы тоже можем обратиться к Горовикову...

– Вы упустили ключевое слово, Александр Иванович, – перебил Еременко адмирал. – Я сказал – мгновенно. Не в кратчайшие сроки, допустим, за неделю, как мы, а мгновенно. Вот только что гидромехи фигурировали в Финском заливе, в поле зрения Горовикова, а уже в следующую минуту они идут полным ходом к Уваровскому проливу.

– Мистика какая-то, – вырвалось у кого-то из старших офицеров-тихоокеанцев.

– Никакой мистики, – адмирал включил указку и направил красный лучик на допотопную пластиковую карту, висевшую на стене. – Вот где-то в этом квадрате начинается подводный тоннель, который ведет к тамбуру. Так считают мои разведчики.

– Разрешите вопрос, – обратился к адмиралу начштаба тихоокеанской группы. – Откуда у биомехов вообще взялся такой флот? У них всего два водных Городища, как могли они наклепать в них целый флот? Из чего, да и когда?

– Вопросы серьезные, – Колесник кивком приказал одному из своих офицеров включить проектор. – Хороших записей у нас нет, есть только несколько снимков на длинном фокусе и десяток спутниковых фотографий. Взгляните. Если не прогуливали лекции по истории флота, все поймете сами.

Перед глазами офицеров зависла объемная проекция. Некоторое время все молча ее разглядывали, а затем у кого-то из гостей вырвалась негромкая реплика.

– Е-мое, это же... класс «Лейпциг».

– По истории мирового флота пять баллов, – одобрил Колесник. – Это и есть немецкий легкий крейсер «Лейпциг». Спущен на воду в 1929 году. Водоизмещение 6700 тонн, экипаж 850 человек, 9 орудий калибра 150 миллиметров. В 1946 году его загрузили емкостями с отравляющим газом и затопили на Балтике. Из других кораблей этой серии нам лучше всех знаком «Нюрнберг», который после войны некоторое время служил под именем «Адмирал Макаров», а в 1959 году пошел на слом.

– А нельзя рассмотреть поближе?

– Тоже правильный вопрос. Если рассмотреть поближе...

Изображение увеличилось. Тихоокеанские гости дружно охнули. Теперь они видели, что этот корабль никакой не «Лейпциг». Даже не корабль.

– Вот гады, изуродовали такую вещь, – сказал Еременко. – Гидромех?

– Он самый. Причем не самый крупный. Не знаю, каким образом гидромехам удается выходить за пределы локаций и поднимать корабли со дна, но они это делают, и, как видите, успешно. Поднимают, перекраивают на свой вкус, вооружают современными стрельбовыми комплексами и ставят в строй. Они сформировали... вот полюбуйте... уже целый флот, причем основная масса прототипов сто лет назад входила в состав гитлеровского Кригсмарине. Вот в этих гидромехах явно угадываются «гены» легких крейсеров класса «Эмден». Думаю, это бывший «Карлсруэ», а это «Кельн» или «Кенигсберг». А вот эта громадина габаритами превосходит Технокракена – думаю, вы слышали о нем, это флагман флота гидромехов, – так вот, эта тварь когда-то вполне могла быть авианосцем «Граф Цеппелин», который исчез при невыясненных обстоятельствах, когда наши буксиры тянули его в Ленинград после войны. Вот этот гидромех в прошлой жизни мог быть тяжелым крейсером «Принц Ойген», а это подлодки девятой серии...

– А вот это тип 21, – увлекшись сравнительным анализом, сказал один из офицеров-гостей, – океанские, со шноркелем, такие подлодки имели индексы начиная с U-3003. Они первыми начали использовать торпеды акустического наведения Т-5 «Цаункениг».

– Верно, – согласился Колесник. – Между прочим, именно модификацией этих торпед вас встретили гидромехи у Барьера.

– Мы думали, это новые подводные ракеты.

– Мы тоже так думали, пока не выловили одну такую сигару. Узел модернизировал это старье так, что теперь по ТТХ оно превосходит любые наши новинки. Больше приличных снимков у нас нет, но разведка докладывает, что в составе «флота призраков» имеются и рейдеры класса «Атлантис», и миноносцы типов «Вольф» и «Эльбинг», и множество посудин поменьше.

– Почти все миноносцы серии «Т» были потоплены во время войны на Балтике, – заметил знаток-тихоокеанец.

– А их биомеханические реинкарнации встречаются и на Балтике, и на Черном море, и на Азове, – кивнув, сказал Колесник. – Такая вот петрушка. В связи со всем изложенным перед нами стоят три задачи. А вернее – задача триединая. Обнаружить и заблокировать доступ к водному тамбуру, уничтожить флот гидромехов, а также выяснить, каким образом гидромехам удастся поднимать затонувшие корабли за пределами локаций. Если у них имеется способный к автономному плаванию лазутчик, который поднимает и буксирует ржавые корыта в Городище-на-дне и в Городище Остров, его необходимо установить и уничтожить. Вопросы? Соображения?

– Разрешите? – сказал Еременко. – Усиление морской группировки техноса – это не только наша проблема. Заблокировав тамбур, мы ее не решим. Здесь нужен системный подход. Мы должны согласовать операцию с адмиралом Горовиковым и с лицами, ответственными за акватории других локаций. И еще, думаю, следует сменить приоритеты. Проблему лазутчика следует поставить первым пунктом или выделить в отдельную задачу. Гидромех, способный покидать пределы Зоны, это угроза иного порядка, не только для нас, но и для судоходства на большой воде. А если он не один? Если способные к автономке гидромехи сформируют «волчью стаю» и устроят переполох на атлантических или тихоокеанских трассах?

– В целом вы правы, – недолго думая, сказал адмирал. – Однако согласование с Горовиковым и с речниками мы будем проводить параллельно своей операции. Что же касается поисков лазутчика, сейчас мы не можем выделить на них достаточно сил и средств. Поиски будут вестись также параллельно основной операции. И приоритеты менять мы не будем. Вот для чего я и попросил вас, Александр Иванович, пригласить самого опытного из разведчиков. – Колесник обернулся к Бойкову: – Ничего не упустили, майор?

– Никак нет, господин вице-адмирал.

– Задача ясна?

– Так точно. Найти вход в водный тамбур. Если повезет, установить лазутчика.

– Если повезет, – адмирал усмехнулся. – В этой местности на везение полагаться нельзя, майор. Лазутчика будем искать в море. А твоя задача – найти щель, через которую гидромехи проникают к тамбуру. Разрешаю связаться с разведкой балтийской бригады Горовикова и прочими. Может, подскажут что-то дельное, да и сами начнут шевелиться, в своих локациях такие же щели поищут. Так все само собой и согласуется. Антипов, выдели майору плавсредство и экипаж. Подлодку какую-нибудь из субкомпактных и малозаметных.

– «Березин», – подсказал адъютант командующего капитан второго ранга Антипов.

– Она же... – Колесник выразительно взглянул на офицера.

– Там осталось-то... Если постараться, на шесть часов работы.

– Годится, – адмирал кивнул. – Как раз будет время на адаптацию. Займись сам, проинструктируй, распорядись и так далее. Идите.

– Есть.

Кавторанг Антипов смерил Бойкова снисходительным взглядом и указал на выход. Майор козырнул высокому начальству, развернулся кругом и пошагал к трапу на первую палубу. Ощущения у майора остались смешанные. С одной стороны, задание как задание, но с другой – он почему-то чувствовал себя обманутым. Будто бы его подставили, и все, включая самого Бойкова, это понимали, но зачем-то сохраняли хорошую мину при плохой игре. Как человек в Зоне новый, майор Бойков не мог и предположить, в чем фокус, суть подставы, но фальшь чувствовал всем организмом. И это ему не нравилось. Хотя кто спрашивал, нравится ему что-то или нет? Приказ есть приказ. Назвался военным, полезай в пекло...

* * *

– Вот такая в целом диспозиция, – подытоживая краткий инструктаж, сказал Антипов. – Есть вопросы?

– Море, – Бойков сложил руки на груди и откинулся на спинку стула. – Для начала: к чему весь этот спектакль? Ведь вы знаете, где расположен водный тамбур.

– О-о, брат, – протянул Антипов разочарованно, – я думал, ты умнее.

– Какой есть.

– Ну, тогда послушай совет. Не задавай глупые вопросы, не получишь морские враки в ответ, понял? Приказано тебе искать тамбур – ищи, а не выделывайся тут. Спектакль ему, видите ли, не понравился! Гамлета ему подавай! Ты, майор, в этом спектакле даже не второстепенный герой, ты даже не массовка, а так, тень пожарного за кулисами, понял? Нравится тебе представление, не нравится, никого не волнует.

– А ты в спектакле кто?

– Во-первых, не «ты», а «вы». На флоте принято по имени и отчеству друг к другу обращаться, если вы забыли. А во-вторых, я тоже не главный герой, я не знаю всех замыслов командования, но не выживаю, в отличие от тебя... от вас. Делаю, что положено. Не меньше и не больше. Насчет подлодки я сейчас распорядюсь, она в пятом доке рембазы стоит. «Капитан Березин», борт 1050. Катер свой оставлю, привезет прямо к объекту. Вот тебе конверт с боевой задачей. Вскроешь, когда найдешь вход в тамбур, но только если у тебя не будет возможности связаться со штабом и получить приказ непосредственно от Колесника или его заместителей. Допустим, аппаратура связи накроется или еще какая-то вводная поступит. На войне, сам понимаешь, как на войне. Ну а кого в свою разведгруппу набирать, сам решай.

– Хотя бы за это спасибо, – Бойков усмехнулся. – Мне бы с вашими разведчиками поговорить.

– Переговоришь, пришло. Только не рассчитывай, что целую армию тебе выделим. Одного, максимум двух. С кадрами сейчас дефицит. В других локациях, кстати сказать, такая же беда. У тебя коммуникатор адаптирован?

– Настроен на М-связь.

– Вот и ладно. Держи базу данных. В ней и номера абонентов, и кое-какие наблюдения, и справки, и досье, и рапорты о более-менее серьезных заварушках. Полный анализ, короче говоря. Вся Зона, от момента Катастрофы до вот этого нашего разговора. Там и разведчиков найдешь, и вообще всех, кто может пригодиться.

Бойков на секунду «завис», принимая файл, затем кивнул.

– Спасибо.

– Не за что. Обращайся, если возникнут проблемы. Будем считать, что я твой контролер. Годится?

– Так точно, – сдержанно ответил Бойков.

– Да не дуйся ты, пехота! – Антипов похлопал морпеха по плечу. – В первый раз, что ли, на ощупь работаешь?

– Если честно, в первый раз. Раньше мне начальство всегда доверяло. И в Сомали, и на Гаити, и в Антарктике...

– Да, заварушки были неслабые, особенно на полюсе, – Антипов кивнул. – Я тогда на «Варяге» служил, мы ваш десант прикрывали.

– Чуть не накрыли ракетами нас вместе с террорюгами, – Бойков усмехнулся. – Стрелки, вашу маму.

– Было дело, но не накрыли же, – кавторанг коротко рассмеялся. – Но здесь другая песня, майор. Здесь Зона. Как говорят флотские юмористы: «ле пти Зона́ Смерти́». Наш враг не террористы или пираты. Он гораздо сильнее. Да к тому же понять его невозможно. Не в смысле, что нельзя понять его язык, хотя и это тоже, а в смысле – чего он хочет, как собирается действовать, какие у него мотивы... полная темнота, словно на километровой глубине. Утешает, что и он нас не сильно понимает.

– Зачем же тогда шифруемся, сами себя запутываем?

– Да затем, чудак-человек, чтобы еще больше противника запутать. Сами-то мы, в конце концов, разберемся, пойдем друг друга, а у врага процессоры перемкнет. Понимаешь теперь?

– Нет, не понимаю. Ты говоришь так, словно уверен, что все сказанное нами кто-то передает противнику. Как он узнает, о чем мы говорим? Подкупит кофе-машину и сделает ее своим шпионом?

– Шутник, – Антипов опять рассмеялся. – Кофе-машину... вот юморист!

– Чего ты ржешь?

Кавторанг вдруг резко оборвал смех и поманил майора. Бойков склонился к моряку.

– Ты все равно узнаешь об этой новости, так что лучше я сам скажу, – негромко произнес Антипов. – Шпионы среди нас завелись.

– Иди ты, – Бойков недоверчиво хмыкнул. – Люди работают на железок? Не поверю.

– Поверишь, – Антипов еще чуть понизил голос. – Про Трояна слышал?

– Так точно, слышал о таком, только... он, говорят, уникальный. Неужели Узел рискнул его к нам забросить? А если вычислим шпиона, сломаем ненароком, не дороговато противнику такой шпионаж обойдется?

– Вот это ты у самого Узла спросишь, если встретитесь. А пока просто имей в виду, майор, враг подслушивает. И, кстати сказать, не факт, что Троян уникален. Разведка докладывала, что на бортах гидромехов замечено движение, очень похожее на живое. Что-то вроде экипажа по их палубам разгуливает.

– Боты?

– В том-то и дело, что нет. На обычных шагающих ботов эти твари не тянут. Издалека вообще вылитые люди.

– А вблизи?

– А вблизи их пока никто не разглядывал. Ты же видел, у нас и гидромехов-то лишь пара снимков на длинном фокусе. А что касается этих морских ботов, или что там за твари, так вообще ничего нет, кроме устных свидетельских показаний. Такие вот дела. Ну, все, майор, время.

Антипов встал и протянул Бойкову руку.

– Удачи, – майор пожал руку моряку.

– И тебе семь футов под килем, разведка. Совет старожилы: начни с бухты Широкой, это западное побережье Казантипа. С северного края начни. Там постоянно какие-то пузыри на поверхности, может, это что-нибудь да значит, – Антипов подмигнул. – Встретимся еще. Бывай...

...Примерно час или чуть больше майор Бойков слонялся по верхней палубе «Овчинникова», мысленно изучая подаренную Антиповым базу данных, помечая полезные номера, связываясь с разного рода военными посредниками и пытаясь понять, в чем изюминка взаимоотношений между служивыми в Зоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.